

ОБЕЩАНИЯ В НЫНЕШНИЕ ВРЕМЕНА НИЧЕГО НЕ СТОЯТ.

САМСОН И НАДЕЖДА

ДАЖЕ
ОБЕЩАНИЯ
ПРИРОДЫ

↑ ПИЛИ ПРИ КЕРОСИНОВОЙ ЛАМПЕ ЧАЙ
И ЖЕВАЛИ ПОНЧИКИ

↓ ТРАМВАЙ БЫЛ ПЕРЕПОЛНЕН
ПАССАЖИРАМИ,

ВИД КОТОРЫХ ВЫЗЫВАЛ
ЖЕЛУДОЧНЫЕ КОЛИКИ

АНДРЕЙ КУРКОВ

FOLIO

Ретродетектив

Андрей Курков
Самсон и Надежда

«ОМІКО»

2020

УДК 821.161.1(477)

Курков А. Ю.

Самсон и Надежда / А. Ю. Курков — «ОМІКО»,
2020 — (Ретродетектив)

Ранней весной 1919 года у Самсона Колечко во время уличного погрома казаки зарубили отца, ему самому отсекли ухо. В Киеве беспорядки, город снова захвачен большевиками, но они почти не контролируют ситуацию. Горожан грабят настоящие и фальшивые красноармейцы, по окраинам Киева то и дело хозяйничают банды всевозможных атаманов – Зеленого, Григорьева, Струка... Выживать становится все сложнее. По стечению странных обстоятельств – благодаря письменному столу покойного отца – Самсона Колечко берут на службу в милицию. Это дело для него совершенно новое, однако он сразу, недолго думая, начинает расследовать преступления – те, что совершают приквартированные к нему красноармейцы. Расследования Самсона приводят к совершенно непредсказуемым последствиям...

УДК 821.161.1(477)

© Курков А. Ю., 2020
© ОМІКО, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Курков

Самсон и Надежда

© А. Ю. Курков, 2020

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2020

© Ю. Е. Никитин, иллюстрации, 2020

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

* * *

Посвящается Всеволоду Евгеньевичу Дмитриеву, архивисту-энтузиасту, идеалисту, ненавидевшему насилие.

Глава 1

**САБЛЯ ОТСЕКЛА ПРАВОЕ УХО,
И ОН УВИДЕЛ ЕГО,**

**УСПЕЛ ПРОТЯНУТЬ РУКУ,
ПОЙМАТЬ И ЗАЖАТЬ В КУЛАКЕ**

Звон упавшей на голову отца сабли оглушил Самсона. Краем глаза он поймал мгновенный блеск сверкнувшего клинка и ступил в лужу.левой рукой уже мертвый отец толкнул его в сторону, и из-за этого толчка следующая сабля упала не на его рыжеволосую голову, но и не мимо – отсекла правое ухо, и он увидел его, падая в придорожную канаву, успел протянуть руку, поймать и зажать в кулаке. А прямо на дорогу рухнул отец с разрубленной надвое головой. И лошадь припечатала его еще раз к земле подкованным копытом задней ноги. После чего наездник шпорнул ее и рванул вперед, где с десяток бегущих горожан сами бросились в канавы по обе стороны, понимая, что их ждет. За ним – еще пять всадников.

Но Самсон их уже не видел. Он лежал на склоне канавки, левой ладонью упершись в мокрую землю и опустив голову на подложенный под нее кулак правой руки. Рана на голове горела, горела громко и звонко, словно кто-то нарочно над ней лупил молотом по стальной рельсе. Горячая кровь лилась по скуле на шею, затекала за воротник.

Снова закапал дождь. Самсон поднял голову. Посмотрел на дорогу. Увидел откинутую подошвой к нему ногу отца. Темно-синие пуговичные английские ботинки, даже измазанные грязью, выглядели благородно. Отец их носил постоянно и бережно уже шесть лет, с 1914-го, когда, испугавшийся начала войны, торговец обувью на Крещатике сбросил цену, справедливо полагая, что война – не лучшее время для продажи модных товаров.

Он не хотел видеть мертвого отца полностью, с разрубленной головой. Именно поэтому попятился по канаве, не разжимая кулака с ухом. Выбрался на дорогу, но распрямитесь не смог. Стоял худой и сторбленный, не давая себе обернуться назад. Сделал пару шагов и споткнулся о тело. Обошел, и тут снова страшный шум обрушился на его голову и хлынул внутрь ее. И шум этот вливался раскаленным оловом в отрубленное ухо. Он прижал кулак к кровоточащей ране, словно пытаясь заткнуть ее и перекрыть врывающийся в голову грохот, и побежал. Побежал просто прочь, хоть и туда, откуда они с отцом пришли, в сторону родной Жилианской. Сквозь грохот и шум слышал отдельные выстрелы, но это его не остановило. Самсон

бежал мимо растерянных, озирающихся и никуда не идущих горожан и горожанок. И когда уже почувствовал, что дальше не может, что силы закачиваются, зацепился взглядом за большую вывеску над дверью двухэтажного особняка: «Лечение глазных болезней. Доктор Ватрухин Н. Н.».

Подбежал к дверям, потянул за ручку левой рукой. Закрыты. Стукнул.

– Откройте! – закричал.

Затарабанил по ним кулаками.

– Что вам? – донесся изнутри явно старый женский перепуганный голос.

– Мне к доктору!

– Николай Николаевич сегодня не принимает!

– Он должен! Он обязан меня принять! – взмолился Самсон.

– Кто там, Тоня? – раздался удаленный и глубокий мужской баритон.

– Да кто-то с улицы! – ответила старушка.

– Впусти!

Дверь приоткрылась. Старушка посмотрела на окровавленного Самсона сквозь щелку, потом впустила и сразу закрыла дверь на замок и два засова.

– Ой, господи! Кто это вас?

– Казаки. А где доктор?

– Пойдемте!

Гладковыбритый седоволосый доктор, посмотрев на рану, молча ее обработал, приложил к ней тампон с мазью и перебинтовал голову.

Самсон, немного успокоенный тишиной квартиры, посмотрел на него с тихой благодарностью и раскрыл перед ним правый кулак.

– А ухо можно как-то пришить? – спросил едва слышно.

– Я вам не скажу, – грустно покачал головой доктор. – Я по глазным болезням. Это вас кто так?

– Не знаю, – парень пожал плечами. – Казаки.

– Красное безвластие! – сказал Ватрухин и тяжело вздохнул.

Он отошел к столу, порылся в верхнем ящике и, вынув коробочку из-под пудры, протянул парню.

Самсон снял крышечку, внутри было пусто. Доктор оторвал клочок ваты и сунул на дно коробочки. Самсон опустил в нее ухо, закрыл и спрятал в накладной карман куртки-френча.

Поднял взгляд на доктора.

– У меня там отец остался, – он тяжело вздохнул. – На дороге. Зарубили.

Доктор горько причмокнул и мотнул головой.

– Разве можно сейчас по улицам ходить? – Он развел руками. – И что же вы собираетесь делать?

– Не знаю, надо забрать его...

– Деньги у вас есть?

– У него были, в портмоне! Мы за костюмом к портному шли.

– Пойдемте, – Ватрухин жестом указал на дверь в коридор.

Улицы в этот раз оказались безлюдными. Где-то далеко стреляли из ружей. Небо еще ниже наклонилось над сглотнувшим кровь городом, словно собиралось улечься на ночь на его крыши и кладбища.

Когда дошли до Немецкой, где Самсона и отца настигли казаки, впереди увидели две подводы и с десяток мужиков. На одну подводу уже подняли несколько убитых, но отец Самсона так и лежал на краю дороги. Только теперь он был босым – кто-то снял английские пуговичные ботинки.

Самсон наклонился к его телу, стараясь не смотреть на голову. Полез рукой под грудь, нащупал во внутреннем кармане пальто портмоне. Вытащил. Его пухлость несколько смутила и удивила. Сунул портмоне в карман куртки-френча и, поднявшись на ноги, оглянулся на подводы.

– Везти надо? – спросил мужик, державший лошадь пустой подводы под уздцы.

– Да, надо, – кивнул Самсон. И оглянулся на доктора.

– А который похоронный дом тут поближе? – спросил мужика доктор.

– Да к Гладбаху ближе всех! – ответил тот. – Деньги-то есть? Только не эти, не карбованцы!

– «Керенки» есть, – сказал доктор.

– Хорошо, – кивнул мужик. – Давайте помогу поднять, а то ж испачкаетесь!

Самсон посмотрел на свои грязные штаны и грязную куртку и одновременно с мужиком наклонился к телу отца.

Вторник 11 марта 1919 года стал днем, перечеркнувшим его прошлую жизнь.

Глава 2

– Пальто я бы вам советовал забрать, – сказал по-русски с польским акцентом приказчик похоронного дома. – В пальто не хоронят! Там оно не согреет. А вот на ноги надо бы!

Тело отца лежало в грубо сколоченном гробу. Голова, покрытая квадратом китайского лилового шелка, казалась целой. Работник похоронного дома перебинтовал ее, чтобы стянуть расколотые половинки черепа.

– А вот эта доска? – Самсон указал взглядом на боковину гроба, явно уже бывшую в ином употреблении.

– Вы знаете, у нас же своя лесопильня под Фастовом, но теперь туда не доехать, а если доехать, то не вернуться, – сказал приказчик. – Там, где не хватило доброго дерева, вставили из поваленного забора... Клиентов слишком много, столярá не успевают... Может, ваш отец мимо этого забора и ходил!

На обычно малолюдном Щекавицком кладбище в этот раз стоял уличный шум. И даже карканье сотни ворон, облюбовавших крону могучего дуба на старообрядческом участке, было не в состоянии этот шум заглушить. Шум, плач, сердитые, но все же траурные голоса доносились с края кладбища, со стороны обрыва. Самсон же находился в самом центре, стоял и наблюдал, как двое мужиков, найденных приказчиком, углубляли узкую яму между старыми могилами. Время от времени он отходил на пару шагов, чтобы выбрасываемая из ямы бурая земля не упала на ботинки.

– Глубже нельзя! – крикнул из ямы один. – Тут уже гробы!

Видимо, для подтверждения своих слов, он ударил лопатой по дереву, которое прозвучало в ответ глухо и жалобно.

Самсон заглянул вниз.

– А гроб станет?

– Если втиснуть, то станет! – ответили ему. – Может, чуть ужмется!

Справа выглядывало потемневшее ребро гроба мамы, похороненной тут пять лет назад. Она ушла следом за сестренкой Верочкой, заразившись от нее болезнью легких. Вот теперь и папа ляжет рядом, третьим, не оставив ему, Самсону, места в семейной могиле.

Взгляд поднялся на памятник – бетонное дерево с обрубленными ветками. С вырезанной надписью «Колечко Веруся, Колечко Зинаида Федоровна. Покойтесь с миром. От отца, мамы и брата».

Надпись смутила Самсона.

Мужики опустили гроб на веревках. Узкая, «ножная» его часть легко стала на дно могилы, верхняя же застряла на два фута выше.

Мужики лопатами подтесали бурюю землю в тесном месте, и верхняя часть гроба опустилась на несколько вершков вниз.

– Дале сейчас не пойдет, – покачал головой мужик. – Но потом оно осядет! Оно всегда так! Всегда оседает!

Самсон кивнул. И почувствовал, как повязка сползает. Нашел на ощупь узелок бинта над обрубленным ухом, развязал, подтянул и связал кончики наново.

– Болит? – участливо спросил один из мужиков.

– Нет, – ответил Самсон. – Только ноет.

– Оно всегда так! – сказал мужик и с видом всепонимающего мудреца закивал непокрытой головой. После чего достал из кармана ватной куртки мятую клетчатую кепку и покрыл голову.

Получив расчет, мужики пошли к подводе. Самсон остался один. И тут из-за туч выглянуло солнце, и под его лучами словно притихло все на кладбище. Вороны замолчали. И со стороны обрыва никто не шумел и не плакал. Все притаилось и задержало дыхание. Все, кроме прохладного мартовского ветерка.

Бурые пятна земли на старом заскорузлом снегу вокруг свежей могилы показались Самсону пятнами крови.

Добротное, но грязное отцовское пальто, отмыв воротник и утепленные ватином плечи, он повесил в левой половине шкафа, в правой висела одежда мамы и ее любимый полушубок из серой лисы.

Зашел в кабинет отца. В эту маленькую, но уютную комнатку с одним окном, выходящим на улицу, он заглядывал редко. Письменный стол отец содержал в немецком порядке. По правую руку на краю столешницы лежал абакус¹, подаренный хозяином торговой фирмы, где отец счетоводил до самого ее закрытия год назад. Боковинки ореховой рамы абакуса были инкрустированы вставками из слоновой кости. Сами счетные костяшки тоже были благородными, из костей «морского зверя», как любил говаривать отец.

По левую руку на столе обычно лежали картонные папки на завязках с документами. Но когда торговая фирма закрылась, эти папки перекочевали на пол. Выкидывать их отец не спешил, говорил, что жизнь невозможна без воздуха, воды и торговли, а потому думал, что и торговая фирма может снова открыться, как только «недовольные станут довольными».

На стене слева и на стене справа висело на вбитых гвоздях еще три десятка счет – целая коллекция. Раньше Самсону они казались одинаковыми, но теперь, когда он остался в квартире один и смог к ним присмотреться, то очень быстро увидел разницу и форм, и оттенков, и цвета счетных костяшек. Странно и глупо на украшенных абакусами стенах смотрелись несколько фотографий в деревянных рамках. Дедушка с бабушкой, отец с матерью, он, Самсон, с сестрой Верой маленькие в матросках...

Самсон подошел поближе к фотографии себя и сестрички. Рука потянулась к абакусу, висевшему под ней.

¹ Абакус – счеты.

Он с силой толкнул костяшку влево на свободный край железной спицы.

– Вера! – сказал он грустно. Потом толкнул туда же следующую и произнес: – Мама! – А отправив за ними следом третью, уже совсем потухшим голосом сказал: – Отец!..

Потом чуть отделил четвертую костяшку от оставшихся в ряду и повозил ее пальцем по спице налево-направо.

Хмыкнул и отошел. Сел за отцовский стол. Выдвинул верхний левый ящик. Взял в руки их семейный паспорт. На фотографии они были вчетвером. Дата выдачи – 13 февраля 1913 года. Папа его оформил, мечтая о семейной поездке в Австро-Венгрию, на воды. Теперь ни Австро-Венгрии, ни Российской империи, ни папы. Один только паспорт.

Закрыв Самсон серую книжечку, положил туда, откуда взял. А рядом с ней – коробочку из-под пудры со своим ухом. И тут дотронулся до правого виска, пощупал рану под бинтом. Она действительно ныла, но не болела.

Щелкнул пальцами возле раны, и показался ему щелчок громким и звонким.

«Хорошо, что еще слышу», – подумал.

Глава 3

В ПАРАДНОМ СОСЕДНЕГО ДОМА

КРЕСТЬЯНКА ПРОДАЕТ МОЛОКО И МАСЛО

На девятый день после убийства отца посмотрел Самсон на себя в зеркало, на запавшие глаза, на впалые щеки, на грязный разлохмаченный бинт.

Дни пронеслись как дождевая вода по Владимирскому спуску – шумно и под ногами. Только на улицу Самсон не выходил, а выглядывал из окна отцовского кабинета или из окон гостиной. Окна его спальни, как и окна спален сестры Верочки и родителей, выходили во двор на еще голые ветки старого клена. Спальни Верочки теперь как бы не существовало. Ее дверь была полностью закрыта буфетом. Дверь в спальню родителей Самсон «спрятал» два дня назад. Теперь она находилась за передвинутым шкафом. В этих закрытых от постороннего мира комнатах пряталась боль утрат. И от этого Самсону становилось чуть легче думать о своих ушедших родителях и сестренке.

Дождь сменялся мокрым снегом, хлюпанье ног по лужам то и дело заглушалось цоканьем подков по булыжнику, а иногда и шум мотора налетал, как ветер, и тогда всё в нем тонуло, но не надолго.

Съев тарелку вчерашнего овсяного киселя, уже надоевшего за последние дни, вычистил Самсон в коридоре щеткой из отцовского пальто высохшую грязь и надел его на себя. Снова в зеркало глянул. Нет, и пальто не делало его похожим на отца, у которого мудрость и самоуверенность светились на лице одновременно с благодушием, вечно присутствовавшим во взгляде карих глаз. Пальто своей солидной важностью просто подчеркивало противоречие между ним и перепуганной, небритой физиономией Самсона.

Спрятал он вычищенное пальто в шкаф, но мысли об отце, справедливо нахлынувшие на него на девятый день, требовали каких-то действий. Ехать на Щекавицкое кладбище на могилу? Нет, это Самсон сразу из головы выкинул. Далеко и опасно. Даже если выстроить вдоль всего маршрута красноармейцев с винтовками, все равно опасно! Кто их знает, что у них на уме и в ком они вдруг врага увидят? Ведь могут и в нем увидеть и выстрелить! В церковь пойти и свечку поставить? Это, конечно, можно было бы, но ни отец, ни он сам особенно набожными

не были. Только мать ходила на праздничные службы, да и то стеснялась об этом объявлять или рассказывать.

Достал Самсон отцовское портмоне, присел за его письменный стол, слушая долетавшие сквозь закрытое оконное стекло звуки Жилианской улицы. Вытащил «керенки» и «думки», пересчитал. Три визитные карточки, книжечка члена Киевского общества правильной охоты, сложенная многократно расписка портного в получении всей суммы оплаты за ткань и за пошив костюма с подтверждением правильности всех снятых для этого мерок, несколько гербовых марок для оплаты различных пошлин и сборов путем приклеивания, вырезанная по овалу фотография мамы...

Накануне вечером вдова дворника постучала ему в двери и сообщила, что в парадном соседнего дома крестьянка продает молоко и масло. Он успел в темноте сбегать и купить полфунта масла и литр молока. И когда скрипнула под его ногой нижняя ступенька деревянной лестницы, как раз у дверей дворницкой квартирки, та же вдова, женщина лет сорока пяти, любившая носить на голове неброские дешевые платки, позвала его зайти к себе на кухню. Запах там стоял страшный и сочный – будто часами кто-то лук жарил. Но, не жалуясь, принял Самсон приглашение присесть к столику и выпить с ней чаю.

– Ты ж теперь сиротка, – сказала она с жалостью и с частично вопросительной интонацией. – А оно так нельзя долго! Губительно!

– А что же делать? – спросил Самсон просто для продолжения ее словесного участия в обсуждении ситуации, в которой благодаря судьбе оказался.

– Жениться, – твердо посоветовала она. – Женитьба сиротство прогоняет. И с питанием тогда наладится! – Она посмотрела на его лицо критически. Видимо, небритость и впалость щек вызвали у нее такой взгляд. – Если повезет с женой, то и страдания твои прекратятся...

– Молодой я еще, – подумав, сказал ей Самсон. – Рано мне.

– Чего рано? – не согласилась она. – Мне вон четырнадцать было, когда замуж вышла!

Допил Самсон чай, поднялся на ноги, прихватив с колен бутылку молока и пакет с маслом. Поблагодарил соседку.

– Если у меня кто на примете появится, я тебе скажу! – пообещала на прощанье вдова и закрыла за ним дверь.

Молоко и бутылка с маслом теперь стояли внутри окна, на одно стекло ближе к улице. Холодные кафельные печки просили дров. Но Самсону казалось, что в воздухе квартиры еще витает тепло прошлой топки. Перед сном он пол-охапки дровишек сжег в той печке, что и гостиную, и спальню грела. В отцовском кабинете, конечно, колючий холод стоял, но все равно не такой, какой бывал зимой в те дни, когда оставались они с отцом вообще без дров. Но как-то же перезимовали. А под конец зимы вдруг оказалось, что кто-то в их подвале огромное количество дров спрятал. Видимо, краденых. Спрятал и пропал. Так что теперь дом мог жить в тепле. Но солнце уже на весну повернуло. До настоящего природного тепла оставалось ждать недолго.

Когда посерело за окном и время сумерек приблизилось, надел Самсон свою гимназическую шинель и, опустив в ее карман расписку от портного с указанием его адреса на Немецкой улице, вышел из дому.

Люди по улице ходили осторожно и старались не смотреть по сторонам, будто боялись увидеть что-то неприятное. На ходу напомнила о себе перевязанная рана. Поправив бинт и перезавязав его наново, продолжил Самсон тот самый путь, который последним для отца оказался. На месте его гибели остановился, на канавку посмотрел, на край дороги. Вспомнил, как сюда с доктором приходил. Загудело в голове, словно кровь поднялась в мысли его. И стали его мысли тяжелыми, малоподвижными и с привкусом крови, и словно старались его этой малоподвижностью и тяжестью охватить. Поэтому ушел оттуда Самсон решительным шагом дальше,

свернул на Немецкую и уже возле дома портного остановился перед вывеской «Портной Сивонь. Костюмы. Визитки. Фраки».

В окне мастерской горел неяркий свет. Ярче он был в двух окнах на втором этаже особнячка. Самсон стукнул по двери громко и стал ждать.

Портной, которого Самсон только пару раз и видел в своей жизни, приоткрыл дверь и спросил, не поздоровавшись: – Что вам в неурочный час?

Самсон назвался, просунул расписку через дверь, которую цепочка шире, чем на кулак, не раскрывала.

Портной впустил Самсона, выслушал его, покивал сочувственно.

– Вы же помельче батеньки вашего будете, – сказал и вздохнул. – Я, конечно, могу его на вас перешить... Но сейчас как-то некстати. Руки дрожать стали. Обождать надо. Хотите, можете забрать! Или можете пока тут оставить, если боитесь по вечерней улице нести?

– Я заберу, – сказал Самсон.

Еще не было так уж темно и страшно, когда он назад шагал. Навстречу ему даже вышли две девушки, аккуратно во все темное одетые. И услышал он слишком четко, как одна другой прошептала: – Смотри, какой красивый брюнетик! Раненый, как герой!

Остановился он, проводил их взглядом. Снова бинт поправил, чтобы не сползал. Подумал еще, что в темноте такой никто и не увидит, что повязка его старая и грязная.

Бумажный пакет с костюмом, стянутый бечевкой, он под рукой нес и старался сильнее к телу прижимать, чтобы не обращал он на себя внимания прохожих.

Дома, не разворачивая, опустил пакет на дно левой половины шкафа, под отцовское пальто.

Свое гимназическое пальто поверх одеяла постелил и спать лег в теплой нижней рубаше и кальсонах. Лежал, ждал, когда тело согреется, но заснуть никак не мог. А тут еще стал ему чудиться шершавый звук, будто мышь что-то бумажное или картонное грызет. Он поднялся, зажег керосиновую лампу и во все углы своей комнаты заглянул, не обнаруживая при этом источника навязчивого шерудения. Но удивительным образом звук этот сопровождал его и во время поисков невидимой мыши. Хотя обычно мышки замолкали и исчезали, как только он начинал их искать. Остановившись, он понял, что все еще слышит этот шум. Но понятно уже ему стало, что не отсюда, не из его комнаты звук слышится. Вышел в коридор и услышал шерудение громче и отчетливее. И доносилось оно вроде как из отцовского кабинета, хоть тяжелая ореховая дверь должна была держать все звуки этой комнатки в тайне от тех, кто в ней не находится!

Зашел Самсон в кабинет. Еще громче назойливый звук услышал – со стороны письменного стола. Подошел, резко выдвинул верхний левый ящик и всё – пропал звук. Шмыгнула мышь вглубь и дальше куда-то. В свете керосиновой лампы увидел Самсон коробочку из-под пудры с прогрызенной в верхнем углу дыркой. В дырку эту можно было уже и палец просунуть.

Взял он коробочку в руку, крышечку с нее снял. Увидел свое ухо с запекшейся кровью по краю обреза. Ухо казалось живым, совсем не усохшим. Удивился Самсон, дотронулся пальцем до него. И словно одновременно почувствовал это касание и пальцем, и ухом. Потрогал тогда он свое левое ухо пальцем. И то же самое ощущение у него возникло.

Смущенный и сонный, Самсон закрыл коробочку, прошел с ней и с лампой на кухню, нашел круглую жестянку от французских леденцов, спрятал в нее коробочку с ухом и унес с собой в спальню. Ощутил, как желание сна побеждает в его теле холод.

Глава 4

**ЧТОБ КАФЕЛЬНАЯ ПЕЧНАЯ СТЕНКА
ТЕПЛОЙ СТАЛА,**

ПОЛЕНЬЕВ ШТУК ДЕСЯТЬ НАДО!

Николай Николаевич Ватрухин, казалось, нисколько не удивился, увидев перед собой Самсона.

– Ну, давайте-ка посмотрим ваше ухо! Проходите! – пригласил он парня в кабинет, кивнув прислуге, выглядывавшей из-за спины визитера.

Сняв грязную повязку с его головы и брезгливо бросив ее в корзинку для мусора, он наклонился к оголенному ушному отверстию.

Самсон заметил, что в руках доктора появилась лупа на перламутровой ручке.

– Так-так-так, – закивал задумчиво Ватрухин. – Заживает как на студенте! – протянул он, словно сам удивился данному открытию. – Теперь уже можно без бинта. Я мазью обработаю, а там...

– А можно еще разок забинтовать? – попросил Самсон.

– Отчего ж нельзя, можно! Но ведь необязательно! Теперь надо, чтобы рана дышала!

– Да ведь сыро и холодно! – растерянно говорил Самсон. – Ну, и если по правде, боюсь я без уха по улице ходить. Это же на виду у всех!

– Ладно, ладно, – доктор махнул рукой. – Не подумайте, что мне бинта на вас жаль! Хоть теперь и не купишь! Старыми запасами живу! А слух как? Давайте-ка гляну, хоть и не специалист!

Перед тем как забинтовать наново голову, доктор двумя руками с силой ее оголенным ушным отверстием к окну повернул.

– Видимых повреждений нет. Слышите-то хорошо?

Самсон вздохнул:

– Иногда кажется, что слишком хорошо! Даже заснуть трудно!

– Ну это, братец, потому, что теперь у вас слух этим ушным отверстием всенаправленный, а не такой, как левым! Ухо-то нам дано не только для того, чтобы слышать, а прежде всего,

чтобы прислушиваться! Направленный слух – он выделяет из шумов жизни то, что нам надо, а всенаправленный – засоряет внимание. Уразумели?

Самсон кивнул.

– В доме кто есть, кто может наново перевязать?

Парень отрицательно мотнул головой.

– Ну во всяком случае всегда можете к парикмахеру с бинтом прийти, они умеют! И я б советовал раз в два дня этот бинт стирать! Тогда на пару недель хватит!

– А можно вас о глазах спросить? – осмелился Самсон.

– Ну чего ж, спрашивайте!

– Мне некоторые предметы теперь краснее обычного видятся... Я вот и на свечу горящую в церкви смотрел. Знаю, что у нее огонь желтоватый, а вижу красный!

Снова в руках у доктора увеличительное стекло появилось.

– Давайте-ка в окно посмотрите!

Устался Самсон в немытое окно, на которое снаружи мокрые снежинки оседали и тут же вниз ползли, за собою серый грязный след волоча.

– А глаза не щиплют? – поинтересовался доктор.

– Щиплют немного.

– Пятна какие-то у вас на сетчатке... Красноватая грязь... Сейчас промоем!

Отошел он к медицинскому металлическому шкафу с белыми эмалированными ребрами.

Звякнула дверца.

– Теперь в потолок смотрите! – приказал Самсону.

Задрал парень голову. Широко глаза открыл.

– Ой господи! – выдохнул неожиданно доктор.

– Что там? – перепугался Самсон.

– Это ж, наверное, кровь отца вашего в глаза попала! И вон частичка мозга присохла к роговице. Сейчас отмочим.

Закапал доктор в глаза парню капли.

– Сидите пока так, пусть глазки ванну примут!

Назад домой брел Самсон медленными шагами, под ноги себе глядя.

– Ни в коем случае глаза под снег не подставляйте! – строго-настрого напутствовал его доктор. – Умывайте их теплой водой раз пять на дню! Сегодня вторник, в пятницу опять придете! Будем вашу роговицу чистить!

За спиной зазвенели о мостовую подковы спешащей лошади. Самсон, испугавшись, бросился под ближний дом. На ходу оглянулся, увидел красноармейца, напряженно всматривавшегося вперед по лету лошади. Цоканье теперь отдалялось, и кто-то еще отпрыгнул с дороги, уступая ее вооруженному конному стражнику новой власти.

Мысль о новой власти вызвала у Самсона горькую усмешку. Когда была одна власть, пусть и старая, жизнь казалась неприглядной, понятной и привычной. И так же привычно было ее ругать, хотя при ней даже и после начала Мировой войны как-то и трудности, по сравнению с тем, что произошло потом, были не трудностями, а так, неудобствами. Ну а потом старая царская власть обрушилась и на ее место пришло много мелких и яростных, сменявших друг друга со стрельбой и с ненавистью. Только во времена немецкого гарнизона и невидимого гетьмана жизнь вроде бы стала опять безопаснее и тише, но и это затишье закончилось страшными «зверинецкими» взрывами и пожарами, оставившими сотни трупов киевлян и тысячи увечных и бездомных.

Тогда, в июне 1918-го воздух Киева оседал на языке и егозил в носу запахом сторевшего пороха. Сейчас при каждом намеке на оттепель от заледеневших сугробов из мусора и снега, громоздившихся по углам жилых домов, несло теплым навозом, словно первым делом приближение весны чувствовал именно лошадиный навоз, щедро добавленный к мусорным

сугробам деревянными лопатами дворников. Его словно укладывали в фундамент расширявшихся сугробных куч, и поэтому он всегда был рядом, ближе к прохожему человеку, чем мусор ранней зимы, который теперь лежал где-то в холодной глубине этих черных мерзлых киевских Аппалачей и Кордильер.

При первом же скрипе нижней ступеньки деревянной лестницы дверь в дворницкую квартирку отворилась. Вдова дворника поманила рукой Самсона в свое никогда не проветриваемое царство сочных, тяжелых запахов.

– К тебе красноармейцы приходили, – сказала она. – Контрибуцию требовать хотели. Я им сказала, что ты сирота! Это им понравилось, но они все равно вернутся. У них теперь весь список жильцов. Выселить тебя хотят.

– Как? Чего это?

– Ну они ж за справедливость! Каждому по углу должно быть, а не по квартире! А еще они спрашивали про музыкантов в семье... Музыкальные инструменты реквизируют. Сами хотят музыку играть.

– Скрипка у нас была, – вспомнил Самсон. – Можно и отдать, только отец и умел на ней!

– Да я тебя не к тому позвала! Ты про женитьбу подумал?

Парень удивленно глянул в глаза вдове.

– Нет, – признался он.

– У меня на примете есть одна! Из образованных, но такая, что все умеет! И квартиру защитит, чтобы не выселили!

– Как она защитит? – не поверил Самсон.

– Ей пальца в рот не клади, она и мягкой, как масло, может быть, и твердой, как чугун! Ты бы посмотрел! Тебе б такая жена все равно что винтовка была б! Таких даже солдаты боятся! Ты знаешь что, загляни сегодня вечером на селедку! Я и ее позову, сам присмотришься!

Озадаченный Самсон поднялся к себе. Не разуваясь и не снимая гимназического пальто, прошелся по квартире, в которой действительно теперь было и холодно, и одиноко. Остановившись перед тремя березовыми поленьями у левой печки, тяжело вздохнул. Надо спускаться в подвал за дровами – от трех поленьев только чугунная дверца печной топки нагреется, а чтоб сама кафельная печная стенка теплой стала, поленьев штук десять надо!

Остановился взгляд его на жестянке из-под монпансье, внутри которой коробочка из-под пудры от мышинных зубов спряталась. Взял, отнес обратно в отцовский кабинет. В ящик стола опустил. Нет еще таких мышей, которые могли бы жестянку прогрызть!

Поменял гимназическое пальто на старую ватную отцовскую куртку и отправился в подвал за дровами.

Глава 5

НА КЕРОГАЗЕ КИПЕЛА КАСТРЮЛЬКА И НАПОЛНЯЛА

ВСЮ КУХНЮ ТЕПЛЫМ АРОМАТОМ КАРТОШКИ

В дверь грубо постучали, когда уже трещали вовсю березовые поленья в печке, в той, что и гостиную грела, и спальню его. А после грубого стука сразу другой, вежливый и вопро- сительный стук в дверь постышался.

На пороге Самсон увидел двух красноармейцев разного роста, но приблизительно одного возраста в мятых, вроде как большего, чем надо, размера шинелях. Рядом сбоку – вдова двор- ника. Понял он, что первый грубый стук по двери это от них был, а второй, вежливый, – от нее. Видимо, показала, как по-городскому в двери стучать надобно.

– Это другие, – сказала она Самсону, кивая на красноармейцев, которые устались на него одновременно и враждебно, и смущенно. – Я им сказала, что у вас швейной машинки нету, а они не верят! Покажите им!

– А на что вам машинка? – удивился Самсон и на всякий случай на их руки, из широких рукавов шинели выглядывающие, посмотрел. Пальцы у обоих были крестьянские, не тонкие, как у музыкантов или у портных.

– А нам приказано, – ответил на это тот, что повыше, стараясь своему голосу грубости придать. Был он, может, одних лет с Самсоном.

– Заходите, смотрите, – пожал плечами Самсон. – У нас дома никто не шил!

Зашли красноармейцы в коридор, в гостиную, оглядываясь по сторонам с опаской.

– А там? – спросил тот, что пониже, остановившись перед дверью в отцовский кабинет.

И, не дожидаясь позволения, заглянул внутрь.

– А зачем всю стену этими обвешали? – обернулся он к Самсону.

– Для красоты, – просто так ответил тот. – Отец считать любил...

– А сам он где?

– Убили недавно.

– На улице?

– На улице, – подтвердил Самсон. И понял, что теперь оба красноармейца на его перебинтованную голову уставились.

– А тебя шо, ранило? – спросил короткий.

Самсон молча кивнул.

– Вот тут тепло, смотри! – отвлек его тот, что подлиннее, ладонь на кафельную стенку печки положив.

– Ну чего греетесь! – закричала на них остававшаяся в коридоре у входа в гостиную вдова дворника. – Швейной машинки нет, увидели? Вот и идите!

– Чего ты такая злая? – Короткий стянул с плеча винтовку. – Я вот щас влуплю тебе промеж глаз, тогда посмотрим!

В глазах вдовы мелькнуло опасение – это Самсон заметил. Но на лице ни один мускул не дрогнул.

– Я тебе влуплю! Я твоего комиссара квасом угощала! Вот скажу ему!

Забросил короткий винтовку обратно на плечо.

А длинный протянул руку и прошелся пальцами по рукаву стеганой ватной куртки, которую Самсон после того, как за дровами спускался, не снял еще.

– А от отца низиков не осталось? Может, кальсоны какие? – спросил он. – Зима-то у вас затяжная, не то что у нас!

– А вы откуда? – поинтересовался Самсон.

– Мелитополь.

Поспешил Самсон в свою спальню, открыл сундук, что в углу правом стоял, взял одну пару собственных кальсон и вынес красноармейцу. Заметил, как короткий на длинного с завистью посмотрел и как-то нехорошо слюну сглотнул.

– Идите-идите, – начала торопить их вдова дворника. – Только отметьте у себя, что в этой квартире нет никакого швейного инвентаря...

Вышли они не попрощавшись, а сама вдова задержалась на мгновение. Про свое приглашение на вечернюю селедку напомнила.

За час до селедки у Самсона возникло романтическое настроение. Он озаботился вопросом, который уже два года его не волновал: как он будет выглядеть? Рубашку белую нашел сразу. Гимназические брюки заставили его понервничать, потому что оказались не в шкафу, а в холщовом мешке внутри сундука вместе с летними сандалиями. Раньше он мог носить их без ремня, но теперь они спадали. Ремень также нашелся на дне сундука с его вещами, но был он без пряжки. Порывшись еще, обнаружил он и старую школьную бронзовую пряжку с двумя расходящимися лавровыми ветками и большой буквой «Ш» на фоне веера из перьев для чистописания. Одевшись, примерил куртку-френч и уже тогда успокоился, глядя в зеркало и находя себя с перебинтованной головой геройски привлекательным.

Перед тем, как спускаться к вдове, выбрил до блеска щеки опасной бритвой, попрыскался цветочным одеколоном от Брокера и тут же пожалел. Излишняя выбритость выдавала в нем больше жертву, чем героя. А запах буржуазного одеколona эта девушка могла воспринять как его слабость или, что даже хуже, как протест против запахов новой жизни. Смыв одеколон мыльной водой, Самсон вытерся холодным, пропахшим сыростью полотенцем.

Воздух на кухне у вдовы оказался этим вечером еще насыщеннее обычного. Рядом на керогазе кипела кастрюлька, в которую можно было не заглядывать, ибо именно она и наполнила всю кухню теплым ароматом картошки. На круглом столе, накрытом белой льняной скатертью, красовались три разные тарелки из одного сервиза: десертная, закусочная и обеденная, возле каждой лежало по грубоватой, пролетарского вида вилке. В центре на равном удалении от всех тарелок стояла фарфоровая курица-масленка.

– Надежды еще нет, но она обещала! – сообщила вдова, усадив гостя за стол.

«Красивое имя», – подумал Самсон.

– Ты извини, я их к тебе вести не хотела, обычно выругают и уходят! А тут: нет, мы должны сами проверить! Я им говорю: мы же с вами это, с одного куста крыжовник! Вы что, мне не верите! А они все равно!..

– Да ничего, ничего! – попробовал успокоить ее Самсон.

– И ты в следующий раз не давай, чего просят! А то ж придут те, кому нельзя отказать, а ты уже все поотдавал тем, кому можно было не давать! Весь в своего папеньку, царство ему небесное!

Раздавшийся стук отвлек вдову и придал ее движениям легкость. Она выпорхнула из-за стола. Скрипнула дверь.

– Ой, Наденька! Чудесно, что пришла! Проходи!

В кухню под стук деревянных башмачков по деревянному же полу вошла девушка излишне атлетической наружности – высокая, круглолицая, крупнотелая, но не толстая, в черном овечьем полушубке, застегнутом с натяжкой, отчего полушубок казался напыженным, в длинной, ниже колен, строгой юбке.

Перед тем как усесться на предложенный вдовой стул, она расстегнула пуговицы полушубка и стала похожа на цветок – под резко раскрывшимся полушубком обнаружилась ярко-бордовая плюшевая блузка, застегнутая по самую шею. Надежда развязала на голове серый оренбургский платок, расстегнула и верхнюю пуговичку блузки и только потом села, дружелюбно посмотрев на улыбающегося Самсона.

– Надя, – протянула она ему над столом руку.

– Самсон, – представился парень, ощутив ее крепкое рукопожатие и посмотрев ей в зеленые глаза приветливо и чуть жалобно.

– У вас так вкусно пахнет, – обернулась девушка на стоявшую над керогазом хозяйку.

– Сейчас, Наденька, сейчас все будет готово! Давай тарелку!

Три грубо очищенные, исходящие паром картофелины опустили на обеденную тарелку Нади. Три другие попали на закусочную тарелочку Самсона. Себе – на десертную – вдова положила две. Потом, уже усевшись, сняла с курицы-масленки крышку-спинку и с гордостью обвела взглядом гостей. Там лежала порезанная на крупные куски нечищенная селедка, украшенная какими-то зелеными листиками.

– Ой, где вы взяли салат? – изумилась Надежда.

– Это не салат, это листья герани! Для красоты, – голос вдовы стал извинительным. – Кушать не надо. Они горькие.

Она сама пальцами сняла с селедки листья и отнесла их к подоконнику, бросила в горшок с геранью.

– По рюмочке выпьете? – спросила услужливо.

– Если не кислое, – кивнула Надежда.

– Не кислое, – усмехнулась хозяйка. – Горькое.

Первые минут пять трапезы прошли в тишине, но потом разговор сам потек, оттолкнувшись от уличного холода и селедки и поднявшись постепенно выше проблем быта и питания.

– Очень тяжело с новыми служащими, – жаловалась Надежда. – Они приходят, говорят, что всё умеют, а потом оказывается, что они погреться пришли! А сами даже писать грамотно не могут!

– А что, у вас на работе хорошо топят? – оживился Самсон.

– Довольно хорошо! Но истопник жалуется, говорит, что почти каждый пытается дрова украсть, хоть одно полено, но под пальто спрятать! Я уже иногда и сама всех на выходе проверяю! Говорю им: стыдно у самих себя красть!

– Ну, нам еще повезло, – вздохнул Самсон. – У нас в подвале запас березовых со времен директории остался. Вроде как они сами где-то дрова забрали, а подвал у нас для дров реквизи- ровали! Но подвал же все равно под нами остался! И дрова остались, а директории уже нет!

Вдова бросила на Самсона колкий недовольный взгляд, и он понял, что сболтнул лиш- него.

– Они все равно, конечно, уже кончатся, – решил он завершить тему. – А где потом дрова брать – ума не приложу!

– Дрова – это бывший лес, в лесу их и надобно брать, – пожала плечами Надежда. – А вы, Самсон, чем занимаетесь?

– Да вот, свалившиеся на нас несчастья переживаю, – начал было отвечать он и тут же еще один колкий взгляд вдовы на себе поймал. – Отца убили, да и мне досталось...

– Бандиты? – спросила девушка.

– Казаки на лошадях... Прямо на дороге! Шашками людей рубили ни за что!

– Слабо у нас с порядком, – закивала головой вдова.

– Да, – согласилась девушка. – Это из-за прошлого безвластия, одичал народ... Как только власть укрепится и зубы покажет, такого больше не будет! А по профессии вы кто, Самсон?

– В университете электрические машины изучал. А вы, Надежда?

– Аптекарское дело, но теперь в губстатбюро, статистику собираю.

– Интересно?

– Работа не должна быть интересной! – Голос девушки вдруг стал прохладным. – Работа должна быть важной и нужной для общества!

– Мне нравится ваша решительность, – отважился Самсон на комплимент и сразу поймал на себе одобряющий взгляд вдовы.

Надежда покраснела. Потрогала рукой свои коротко обрезанные каштановые волосы, проверила пальцем ровность челки, от края которой до густых бровей оставалось около сан- тиметра.

– Я стараюсь показывать пример будущего человека, – проговорила она мягко. – Будущий человек должен быть решительным, работающим и добрым. Родители мои хоть и из прежней жизни, а со мной согласны!

– А где вы живете в Киеве? – спросил Самсон.

– На Подоле. А работаю тут вот неподалеку, через несколько домов.

– И что, каждый день пешком на работу и обратно?

– Иногда пешком, иногда на трамвае.

– Наденька, переселялись бы вы к нам в дом, – заговорила вдова. – Вон Самсон теперь один остался. Он вам с радостью одну комнату уступит!

– Да у меня зарплата не такая, чтобы комнату снимать. – В голосе девушки прозвучало сожаление.

– А вы бесплатно селитесь! – предложил Самсон. – Считайте, что для нужд работы вы эту комнату реквизи- ровали!

– Для реквизиции надо, чтобы документ начальство подготовило, – совершенно серьезно проговорила Надежда.

– Это я пошутил, как бы шуточная реквизиция!

– Ну, знаете, Семен! – она вздохнула. – Возвращаться с работы домой в темноте – это вам не шутка!

Самсон извинился, еще раз повторил свое приглашение, которое, правда, сначала вдова сделала.

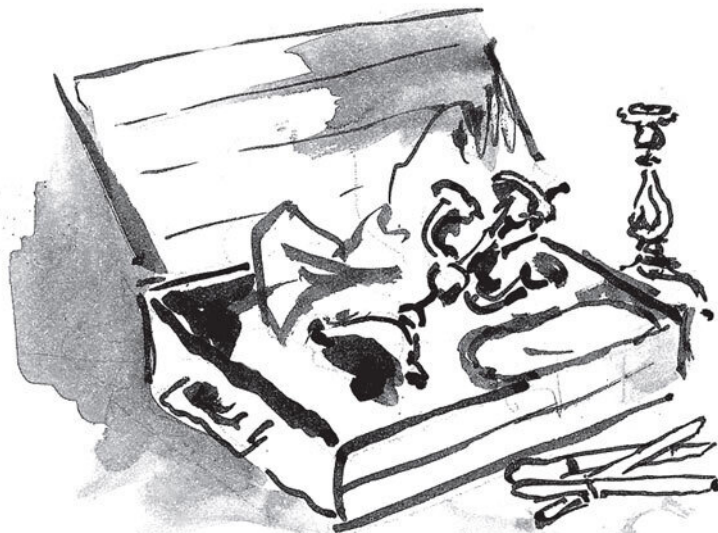
Пока пили чай, за окном выстрелили и с криком куда-то побежали неизвестные.

– Пойду я уже, – занервничала после этого шума Надежда.

- Оставайтесь, – попросил ее Самсон.
- Нет, пойду! Иначе мама всю ночь спать не будет!
- Она поднялась, застегнула полущубок, повязала теплый платок на голову.
- Вдова вопросительно уставилась на Самсона. Он вскочил.
- Я вас проведу! – сказал твердо, по-военному.
- Спасибо! – согласилась девушка.
- Вы только минутку подождите, я переоденусь в теплое! – попросил он.

Глава 6

ОН УВИДЕЛ СЕРЕБРЯНЫЙ ПОДСВЕЧНИК,

ДЕРЕВЯННЫЕ КОЛОДКИ ДЛЯ ОБУВИ, САПОЖНЫЙ МОЛОТОК, КОРОБКУ

Ночной Киев, по которому он возвращался домой с Подола, бесконечно поразил и напугал Самсона. Если, провожая и слушая на ходу Надежду, он легко шутил и даже побежал по Крещатику за трамваем, везшим вместо пассажиров какие-то мешки с красноармейской охраной, пообещав Надежде остановить его и убедить трамвайщика и солдат довести их хотя бы до Думской площади, то легкость сменил страх, как только за девушкой закрылась зеленая парадная дверь двухэтажного дома на Набережно-Никольской. Еще до Александровской площади он дошел спокойно по безлюдным, страшным своей внезапной пустотой улицам. А как только ступил на Александровскую, то над головой грянул винтовочный залп, и Самсона пригнуло к мостовой так, что он едва руками ее не коснулся. Определить, откуда этот залп донесся, Самсону не удалось. Вспомнил он слова доктора Ватрухина о том, что ушная раковина, освобожденная от уха, все шумы без разбору и направления в голову приносит. Понял по крайней мере, что залп откуда-то с правой стороны донесся. Заставил себя выпрямить спину и ускорить шаг, чтобы быстрее открытое пространство площади пересечь.

И тут, как раз слева, со стороны, слышимой теперь лучше и тише, зазвенел приближающийся трамвай. Время для трамваев было уже позднее, так что ехать он мог только в трамвайные гаражи. Остановившись под деревом, слившись в темноте с его стволом, Самсон смотрел на приближающийся вагон. Смотрел и удивлялся, понимая, что едет он не пустой, а везет людей, и люди эти как-то слишком одинаковы – красноармейцы. Не останавливаясь на остановке, поехал трамвай дальше на Межигорскую, исчезнув за темными громадинами двухэтажных и трехэтажных зданий.

Самсон, переждав минуту, поспешил к левому боку Гостиного двора, а оттуда – вверх по Андреевскому спуску.

И тут, на Андреевском, ожидало его еще одно потрясение. Потому как сначала слышались краткие и злые перекрикивания мужских голосов. Он остановился и спрятался за угол одноэтажного домика с темными окнами. Оттуда уже увидел, как распахнулись двери дома по

другой стороне спуска и чуть выше и как из них красноармейцы вынесли какую-то мебель. А следом за ними выскочил человек в пижаме и стал хватать одного из солдат за рукав. Второй солдат снял с плеча винтовку и проткнул человека в пижаме штыком насквозь. Тот сначала осел, а потом упал лицом вниз на булыжник. Фыркнула лошадь. «Грузи!» – крикнул кто-то, и лошадь вытащила под свет неяркого фонаря телегу, и на нее стали солдаты забрасывать стулья, а потом подняли и ножками кверху опустили обеденный стол небольших размеров, наверное, на четырех персон.

Двери так и остались распахнутыми. Ямщик хлестанул лошадь, развернул ее мордой вверх, в сторону церкви Андрея Первозванного. Медленно потянула она поклажу, а красноармейцы – было их, может, четверо – стали запрыгивать, чтобы тоже на телеге подняться. Ямщик попытался их остановить окриками, но быстро замолк, получив в ответ обещание помочь ему с жизнью расстаться.

Когда телега скрылась за плавным поворотом спуска, Самсон подбежал к человеку в пижаме. Тот уже не дышал. Тогда Самсон заглянул в распахнутые двери, крикнул: «Есть кто?» и, не дождавшись ответа, прошел в подъезд, шагнул в другие распахнутые двери. Там, в небольшой квартирке, все было разбросано по полу. Под ногами хрустнула разбитая чашка. Самсон увидел протянутый по стенке проводок к люстре. Нашел выключатель. Щелкнул, но свет не зажегся. Частным домовладениям этой ночью электрику не давали.

Постояв на улице еще с минуту над телом убитого, он, тяжело вздохнув, поспешил вверх к Михайловской площади. Поспешил, однако то и дело останавливался и вслушивался, не желая нагнать случайно телегу с красноармейцами и реквизированной дорогой, ценной мебелью.

В дом зашел в начале третьего, окутанный неприятными, сгущенными ночной влажностью запахами неубранных улиц. Снял стеганую ватную куртку, понюхал ее перепуганно. Показалось, что впитала она в себя всё это нервнующее уставшую душу амбре. Снова надел, чтобы согреться. Сил хватило лишь на то, чтобы в печке три полена зажечь, отчего, конечно, будет больше теплого запаха, чем тепла. Но не сидеть же у топки до утра! Штаны Самсон снял, а спать лег в двух парах кальсон и в вязаном свитере, надетом на теплую зимнюю рубаху.

Однако выспаться не получилось. За окном только засерел мартовский жиденький рассвет, как в дверь грубо заколотили. Точно так, как накануне, когда приходили красноармейцы, регистрировавшие швейные машинки, находящиеся в частной собственности. Но тогда после грубого стука прозвучал стук учтивый – от вдовы дворника. В этот раз ее рядом со стучащими, похоже, не было.

Пошатаваясь, Самсон вышел в коридор, приоткрыл двери, и тут же его оттолкнули в сторону, а в квартиру что-то внесли. Все это происходило в полумраке. Электричества еще не было, как и солнца за окном, а зажечь свечу сонный хозяин квартиры не додумался.

Но он заметил, что визитерами опять были военные красноармейцы в своих мышинового цвета шинелях. Топот их сапог скапливался в голове, вызывал боль. Самсон прижал под бинтом голую ушную раковину, отступил назад. И тут перед его лицом вспыхнула спичка, и кто-то всмотрелся в его глаза. Этот кто-то, низенький, прищуренный, показался знакомым.

– Здоров, барин! – сказал он. – Мы у тебя были, помнишь?

Самсон кивнул.

– Это пока вещи свои занесли, три ящика. Не чипай! А позже заселимся! Нам командир бумажку дал. Всё по закону!

И он протянул Самсону мятый обрывок бумаги.

В квартире внезапно стало тихо, но на улице за окном заржала лошадь и послышался тележный скрип колес.

Умывшись, Самсон оделся. Спустился на первый этаж, постучал к вдове.

Она уже не спала, встретила на пороге с керосиновой лампой в руке, но в квартиру не пустила.

– Они сказали, что ко мне вселятся! – пожаловался Самсон.

– Ну а что я могу, – вздохнула она. – Может, вашего папеньки друзья какие остались, которые помочь могут?!

– Ладно, извините! – Самсон развернулся, ступил на первую ступеньку, она жалобно скрипнула.

Как только вернулся в квартиру, дали электричество. Под стенкой в коридоре стояли три военных ящика без замков. Он поднял крышку ближнего. Сверху лежала бархатная портьера. Самсон приподнял ее край и увидел серебряный подсвечник, деревянные колодки для обуви, сапожный молоток, коробку фотоаппарата...

Вспомнил о бумажке, полученной от низенького красноармейца. Прочитал: «Сим подтверждаю, что красноармейцы Цвигун Антон и Бравада Федор определяются на постой по адресу Жилианская, 24, квартира 3. Проживатели квартиры обязаны их кормить и обеспечить тремя сменами нижнего белья, не считая двух смен белья постельного». В конце: «Комиссар» и неразборчивая подпись, а поверх нее смазанная печать.

Самсон совсем сник. «Чем же я их кормить буду?» – задался он вопросом.

Пересчитал остававшиеся в доме «керенки», «думки» и карбованцы, нашел еще несколько царских банкнот и монет. Царские, конечно, в Киеве уже давненько не принимали, но кто его знает, деникинцы ведь недалеко и, по слухам, наступают! А сам Деникин – человек царский, если они победят, то и деньги с двуглавыми орлами вернут. Царские банкноты оставались самыми большими и самыми красивыми. И хрустели в руках так, что отдавались в голове хрустом свежего яблока на зубах. «Керенки» и карбованцы не хрустели вообще. И размером больше говорили о кризисе в бумажном деле, чем о своей платежной способности. Хотя и о платежной способности тоже могли размером рассказать, если посчитать, сколько штук карбованцев или «керенок» может на одной царской трехрублевке или даже «катеринке» поместиться!

«А может, надо на работу устроиться? – задумался тут Самсон, понимая, что денег надолго не хватит и вспомнив, как Надежда про свою службу рассказывала. – Она ведь службой не тяготится, нравится ей быть полезной, а еще и зарплату государственную получать! И карточки на хлеб по первой категории, а не по третьей!»

Захотелось Самсону с кем-то из тех, кто к новой власти приновился, посоветоваться. Доктор Ватрухин для совета не подходил. Было понятно, что он от всего нового прячется. Из тех, с кем Самсон вместе учился, только Бабукин горел революцией, а не тягой к знаниям. Надо к нему на Столыпинскую сходить! Он, как человек, которому Самсон всегда займы давал, старую дружбу вспомнит и помощь окажет!

Окрыленный своим решением, Самсон позавтракал овсянкой из чуланных запасов, выпил чаю, упаковка которого, купленная недавно за сто «керенских», своими слонами звала в Индию.

Как стемнело, собрался он было на выход, но тут пришли два красноармейца, которых комиссар с неразборчивой подписью определил Самсону на постой.

– А я уходить собирался, – пробормотал он растерянно, когда они со стуком поставили свои винтовки в коридоре прикладами вниз.

– Да идите, идите! Нам то что! – махнул рукой высокий.

– Вы ж, наверное, Федор? – предположил Самсон, вспомнив имена на бумажке.

– Не, я Антон, а Федор – он! – Высокий ткнул пальцем на напарника.

От их снятых шинелей поднялась в коридоре волна нового потного запаха.

– Нет, давайте я вас сначала определю, – предложил Самсон, подумав, что они могут самовольно его спальню занять.

– А чего нас определять? Мы уже определились! Будем жить в комнатке, в той, где по стенкам счетные доски висят! – сказал Антон. – Нам много места не надо, стеснять вас не хотим!

Самсон кивнул.

– Тогда я пойду? – спросил.

– Идите-идите, вы ж тут хозяин! Только ключ оставьте! А мы, если пойдем куда, двери запирать не будем! – добавил низкорослый Федор.

В трехэтажном доме на Столыпинской двери парадного были намертво закрыты, и никто на вежливый стук Самсона не откликнулся. Тогда, разозлившись, затарабанил он по этим дверям обоими кулаками. И подумал в этот момент, что именно так тарабанили в его двери красноармейцы, которые теперь и кабинет отца займут! Остановился. Хотел было уже развернуться, но тут двери пугливо приоткрылись, и в проеме старческое лицо с таким же перепуганным открытым ртом появилось.

– Вам кого? – Голос старика дрожал высокими нотками.

– Бабукина Александра.

– Александр Валентинович на службе. Он к семи будет!

– Да? – Самсон обрадовался. – Тогда я его обожду.

– Обождите, конечно! Вон там! – Из дверей высунулась рука и провела направление налево. – На углу Чеховского переулка советская столовая есть. Там топят!

Глава 7

**НА КОНЧИКЕ РУКОЯТИ ЛОЖКИ
ИЗ СТАРИННОГО СЕРОГО И ЛЕГКОГО
МЕТАЛЛА**

БЫЛА ВЫДАВЛЕНА ПЯТИУГОЛЬНАЯ ЗВЕЗДА

Советских столовых по центру города открылось уже штук пятнадцать. Об этом Самсон от вдовы дворника знал. Как и то, что кормили там госслужащих по особым талонам и что в эти обеденные талоны хлеб не входил.

Внутри его встретил аппетитный запах чуть подгоревшей пшенной каши. Он осторожно подошел к поварихе, стоявшей по другую сторону от стола выдачи.

– Вы без талонов кормите? – спросил.

– Вы по списку губисполкома? – спросила она и стала искать глазами что-то под столом выдачи, видимо, этот список.

– Нет, я так, просто проголодался.

Она окинула взглядом помещение столовой, в котором в данный момент только одна женщина громко ела суп.

– Хорошо, – вздохнув, негромко сказала. – Пшенная каша с подливой и чай. Шесть пятьдесят.

– Это какими? – осторожно поинтересовался Самсон.

– А какие у вас есть?

– «Керенки».

– Тогда двадцать, – перешла она на шепот.

Пшенная каша с густой коричневой подливой жевалась тяжело, но оказалась вкусной. На кончике рукоятки ложки из странного серого и легкого металла, может, из нечистого алюминия, была выдавлена пятиугольная звезда. Она все время отвлекала Самсона от еды, ему хотелось ее рассмотреть. Да и рука, привыкшая к тяжелым и благородным столовым приборам, держала ложку неуверенно, даже снисходительно. А к этому еще добавлялось ощущение, что у ложки свой кислотовато-ржавый привкус, который оставался на губах после каждого ее прикосновения. Привкус Самсон запивал чаем. Чай своей сладостью помогал пропихивать кашу глубже в глотку, в горло, в пищевод. По мере опустошения тарелки с синей надписью по краю

«Советская столовая» желудок Самсона наполнялся тяжестью и спокойствием. Мысли постепенно отходили от еды и начинали «засматриваться» на другие темы. Вспомнилась Надежда, которая поначалу, перед встречей, представлялась ему хрупкой, тонкой, воздушной. После встречи, перевернувшей это представление на противоположное, разочарования не наступило. В ее спортивной сбитости и даже в том, как на ней с трудом застегивался черный каракулевый полушубок, во всем этом чудилась ему невероятная, почти акробатическая устойчивость к потерявшей эту самую устойчивость ежедневной жизни и к ее вызовам и проблемам.

«Как же теперь я ей комнату дам, если ко мне красноармейцы вселились? – задумался Самсон не без горечи. – Может, переведут их куда в скором времени? Не может же армия по квартирам граждан жить!»

Саша Бабукин встретил его с подозрением, но в квартиру впустил. Конечно, после двух революций 1917-го и после кровавого 1918-го каждый человек, встречавший знакомого, даже друга, которого в последние два года не видел, не без страшных предчувствий расспрашивал, что тот делал в это время смуты и крови.

– Ты ж все там живешь? На Жилианской? – спросил Бабукин осторожно, поправляя опустившиеся вниз тонкие кончики усов, отрошенных как-то по-особому, не так, как он их раньше носил. Раньше они тонкими острыми кисточками по обе стороны от носа чуть вверх смотрели.

– Да, там же, – Самсон присел на предложенный стул возле шахматного столика. – Только теперь один. Отца недавно убили, а мама с Верочкой от легочной инфекции умерли.

– Горе-то! – задумчиво произнес Бабукин и пожевал толстые губы.

Сам он сохранил плотность тела, несмотря на продовольственные кризисы, которые с удивительной регулярностью сменяли друг друга названиями, но не смыслом. Хлебный кризис был сменен молочным и масляным, тот был сменен мясным, мясной – крупяным и снова хлебным.

– А к тебе на постой никого новая власть не привела? – оглянулся взглядом по широкой гостиной Самсон, остановив свое внимание на высоких напольных часах, время на которых не могло соответствовать настоящему.

– Нет, Радомицкий уберег от этого. Выдал охранную грамоту, освобождающую от реквизиций, мобилизаций и прочего!

Самсон, услышав фамилию еще одного из прошлых товарищей, вскинул голову, с любопытством в глаза Саше Бабукину посмотрел, как бы прося о продолжении.

– Он же теперь начальник на железной дороге! – добавил хозяин квартиры. – А железнодорожники, они от всего плохого освобождены!

– Так ты теперь железнодорожник?

– Я – нет, что ты! Я на электростанции.

Самсон задрал голову и посмотрел на электрическую лампочку, единственную, светившую из четырехрожковой люстры.

– Во как! – удивился он. – Повезло тебе! И образование пригодились!

– Какой там повезло! – отмахнулся рукой Бабукин. – Вот ты платишь за свет?

– Нет, – ответил Самсон. – Да ведь счетов не присылают!

– Никто из граждан за свет не платит! Только город за трамвай доплачивает и с топливом помогает! А топлива уже почти нет! Мы ж на дровах теперь электричество делаем! Еще две баржи с дровами на Днепре остались, а потом что? Мосты деревянные разбирать?

– Ну да, – гость сочувственно закивал. – Я же и сам вижу, свет только вечером, да и то не всегда, вода – утром и вечером, да и не всякий день!.. Я о другом хотел посоветоваться. Может, у тебя там какая-нибудь работа для меня найдется? Ну чтобы делом заниматься.

– Работы много, – усмехнулся Бабукин. – И зарплата хорошая. Только ее не платят.

– Как не платят?

– Так не платят. Талоны дают, карточки, боны какие-то на отрез сукна. А денег почти нет. Потому, что граждане за свет не платят... Хочешь такую работу? Тогда устрой!

– Надо подумать... – Самсон сник, и хозяин в ответ на это еще раз улыбнулся, только теперь с горечью.

– Думай-думай! И не спеши! Сейчас спешить должны только те, кто фанерные памятники ставят!

– А им чего спешить?

– А им платят деньгами за каждую голову памятника! За двухголовый бюст – вдвойне! Художники теперь в привилегиях! Не то что инженеры!..

Глава 8

СОЛДАТ С ВИНТОВКОЙ ШТЫКОМ СТЕКЛО В ШКАФУ РАЗБИЛ, СХВАТИЛ ГЛАЗ И СУЕТ:

«ВСТАВЛЯЙ ЕМУ! СПАСАЙ СВОЕГО ТОВАРИЩА!»

Зайдя в коридор, Самсон сначала натолкнулся на военные ящики, а потом, в темноте, и на винтовку, что к стене приставлена была, как метла. Она упала и выстрелила. От испуга Самсон на корточки бросился и услышал сквозь грохот, как внутри квартиры с грохотом двери захлопнулись.

Дождавшись тишины, он еще раз щелкнул электрическим выключателем лишь для того, чтобы убедиться, что света действительно нет. Потом прошел в гостиную, нашел в привычном месте спички и свечу. С ней в руке осмотрелся, пытаясь понять: куда красноармейцы делись? Там их не было, и он заглянул в отцовский кабинет. И увидел их в углу прямо на полу сидящих с перепуганными, а оттого при свечном освещении еще более драматичными лицами.

– Ты это что? – дрожащим голосом спросил Антон, поднимаясь на ноги.

– Темно, – ответил виновато Самсон. – Она упала и выстрелила.

– Это ты винтовку заряженной оставил? – Антон обернулся и злобно зыркнул на товарища.

– А чего я? Я не заряжал! – ответил Федор, тоже поднимаясь с пола.

Самсон их уже не слушал, он пытался понять, как они на ночь в этом кабинете разместятся, где только одна кушетка и стоит.

– Может, вам лучше в гостиной спать? – спросил он.

– Большая больно! – ответил Федор, почесав небритую щеку. – Оборону трудно держать!

– Какую оборону? – не понял Самсон.

– Ну, если нападут. Надо быть всегда готовым, чтоб оборону держать. Тут меньше, сподручнее.

– А как же вы будете оборону держать, если винтовки в коридоре?

Не заметив в вопросе иронии, красноармейцы переглянулись.

– Не, на ночь сюда заберем, – сказал Антон. – Только нам тут матрац нужен и теплые покрывала.

Нашел им в чулане Самсон два узких матраца, из сундука постельное белье вытащил. Даже одну большую подушку, сильно пахнущую сапокарболом², достал.

Вышла на полу кабинета лежанка, при которой, конечно, головами они в письменный стол упирались, а ногами в кушетку.

– Ну идите, мы теперь спать будем! – стал Антон выпроваживать хозяина, когда напольная постель разложена была.

Самсон и ушел. Подтопил свою печь чуток, прислушиваясь к шорохам из отцовского кабинета. Потом спать лег.

Сон долго не приходил, мешал ему унылый ветер за окном. Но когда ветер стих, поплыл медленно Самсон в царство Морфея. Уже и волны его теплые щеками ощутил, как вдруг где-то рядом шепот раздался:

– Ты это, подвинься! – Голос явно Антону принадлежал.

– Я ж и так с краю, куда еще? – прошептал в ответ второй красноармеец.

– Матрац-то сырой, его бы на печке сперва пропарить!

– Да у них тут печки никудышные, простенные, только воздух греть!

– Эт-точно! И то не греют! Да он просто дрова на нас жалеет!

Отчетливость услышанного насторожила Самсона и он открыл глаза. Проверил рукой повязку – та сползла, оголив ушную раковину.

– Может, убить его? – прошептал Федор. – Бесплезный человек, а квартира богатая, если поискать, найдем немало!

– Спи, Федя, – ответил второй. – Тебе б только убивать! А когда запретят, а ты уже привык? Куда пойдешь? На дорогу?

– Да чего привык? Не привык я! Все равно болесно убитых видеть!

– А комиссар что сказал вчера? Не помнишь? Никаких случайно убитых!

Самсон поправил повязку, осторожно присел на кровати, весь в слух обратился. Стало ему окончательно понятно, что это его же отрезанное ухо, которое там, в ящике письменного стола в отцовском кабинете лежит, его об опасности предупреждает. Иначе как бы он этот шепот услышал?

«Бежать?» – подумал он и сразу отрицательно головой мотнул. Некуда было бежать. Можно было бы к вдове спуститься, у нее до утра посидеть. Она пустит. Но потом что? Да и ведь это его дом, его квартира! Почему он должен бежать? Может, взять винтовку да убить их? Только как проверить, что в ней, в той, что не упала и не выстрелила, патрон есть? И если есть один патрон, а этих двое, то второй потом его самого убьет. Они ж убивать умеют, в армии этому учат. А может, в их армию только тех берут, кто уже сам убивать научился? Вон сколько трупов по улицам Киева год назад лежало? Да и позже тоже. И когда отца убили...

Самсон осторожно встал с кровати. Холодный деревянный пол уколол голые ступни. Он нащупал тапочки, влез в них, и ступням теплее стало.

– Не надо его убивать, – снова прошептал Антон, и Самсон на мгновение благодарность к нему ощутил.

– Я ж токо так, предложил, – пошел на попятную Федор и громко зевнул.

– Ты ж не хочешь в одной квартире с трупом жить? – продолжил высокий красноармеец. – А вынести и на улице бросить уже не положено. Дворник заметит и пожалуется, да и патрули ходят...

– Холодно как-то, и эти вши, суки, кусаются! Им, наверное, тоже холодно! – Федор снова зевнул.

– Чего это им холодно? Ты ж еще живой, еще теплый!

² Сапокарболь – средство от моли.

После этого замолчали они, а еще через минуту услышал Самсон храп. Испугался сначала, что теперь до утра этот храп слышать будет, но, видимо, храпящий повернулся удобнее, и стало в голове у Самсона тихо.

Он вышел в гостиную, постоял в темноте. Поежился из-за холодного воздуха. А потом оделся и со свечкой в одной руке и с пустым мешком в другой в подвал за дровами спустился. Набрал их десятка полтора и осторожно, переступив снова через скрипучую первую ступеньку, поднялся к себе.

Затопил каминную печку, от которой тепло и на его спальню шло. А потом решил и вторую печь в гостиной затопить, ту, что задней стенкой кабинет отца обогревала. Туда даже больше дров не пожалел, думая, что в тепле красноармейцы дольше проспят и, возможно, в хорошем и мирном настроении проснутся.

Те вышли утром из кабинета действительно благодушными. Пофыркали по очереди, умываясь в ванной комнате, – водопровод, на удивление, работал. Потом, ни слова не сказав, ушли, забросив на плечи винтовки.

При дневном свете заметил Самсон, что пуля, вечером из винтовки вылетевшая, расщепила толстую дубовую дверь из коридора в гостиную и там же застряла. Повреждение двери оказалось неприятное глазу, но малозаметное, потому что находилось оно внизу, в верхке от пола.

Возвращаясь мыслями от вчерашнего случайного выстрела упавшей винтовки к жизни, понял Самсон, что наступила пятница, и именно в пятницу звал его доктор Ватрухин, чтобы глаза почистить.

В этот раз закрыл он за собой дверь квартиры на ключ, полагая, что красноармейская служба только к вечеру заканчивается. В стеганой ватной куртке и в грязых мятых штанах, чтобы не привлекать на улице внимания, отправился Самсон к доктору.

По Жилианской слышалось хлюпанье воды под сапогами прохожих. Мерзлые мусорные сугробы пахли сильнее, а это значило, что весна опять стала отвоевывать у зимы свое календарное пространство. Март нехотя приближался к апрелю. Где-то недалеко раздался звон трамвая, а через мгновение и сам он вынырнул с Владимирской и зазвенел по Жилианской к своей конечной остановке.

На углу с Кузнечной Самсона остановил стук молотков. Он удивился, оглянулся и увидел рабочего, стоящего на деревянной лестнице, приставленной к дому. Поверх названия «Кузнечная» он приколачивал кусок фанеры с черной надписью «Ул. Пролетарская».

Перед домом доктора Самсон ощутил беспокойство раньше, чем понял его причину. С фасада над дверью пропала длинная вывеска, извещавшая, что в этом здании принимает доктор глазных болезней. Сердце у Самсона сжалось, и из памяти вынырнул ночной шепот Федора: «Может, убить его?»

Страшные предчувствия, однако, не повернули Самсона вспять, превозмог он их и постучал в двери вежливо, как положено.

Пожилая прислуга докторапустила визитера сразу. Выглядела она неважно, лицом была бледной, а вокруг глаз имела темные круги, говорившие о бессонной ночи.

– Ах да, – обрадовался, увидев Самсона, доктор. – Не забыли! Ну проходите, проходите! Тут пока Тонечка убирает.

Прислуга действительно начала подметать с пола разбитое стекло. Сам Ватрухин одет был в домашний теплый халат, но на плечах и на груди к халату прицепились опилки и какой-то другой плотницкий мусор.

– У меня тут ночью неприятное приключение произошло, – заговорил доктор Ватрухин, начав отряхивать халат, на который сам, казалось, обратил внимание только сейчас – благодаря пристальному взгляду Самсона. – Ворвались в дом два солдата, с постели подняли! Один кричал: «Лечи!» и винтовку наставлял. Оказалось, он своему товарищу при политическом споре

глаз штыком выколол! А тут моя вывеска, как назло! И он этого беднягу с вытекшим глазом ко мне толкает! И кричит: «Лечи, сволочь!» Я ж ему пытаюсь объяснить, что лечить-то уже нечего! Но потом повел в кабинет, обработал рану, тот вопит, этот штыком меня в бок покалывает, торопит. Я объясняю, что тут уже всё, только надо следить, чтобы сепсиса не было, в сухости глазницу держать. А он мне продолжает: «Лечи, а то я тебя вылечу!» А в медицинском шкафу, как назло, глазной протез лежал, декоративно-рекламный. На память о покойном товарище-протезисте. Этот солдат с винтовкой штыком стекло в шкафу разбил, схватил глаз и мне сует: «Вставляй ему! Спасай моего товарища!» Я ему объясняю, что глаза делают по размеру и после того, как глазница заживет. В общем, забрал он глазной протез, в карман шинели сунул и пообещал вернуться и камня на камне не оставить. Утащил своего товарища. Я тогда двух дворников из соседних домов поднял, сбросили мы втроем с дома вывеску, и взяли дворники ее в оплату труда, для растопки! Ну ладно, я уже отдышался от этих неприятностей. Только замок двери повредили еще, надо исправить. Показывайте ваши глаза!

Освободил доктор роговицу глаза Самсона от инородной частицы, саму сетчатку хорошенько осмотрел.

– Ну теперь-то красного вам меньше видится? – спросил.

– Меньше, – ответил Самсон.

– А бинт вы так и не стирали! – покачал головой доктор. – Я же не могу вам больше новый повязывать – медицинской пользы он вам более не несет!

– Да ничего, я дворничиху попрошу, она стирает, – ответил Самсон. – Всё времени не было. Думал на работу устроиться, только пока не нашел.

– На работу? К ним? – с сомнением произнес Ватрухин. Но потом голос его чуть смягчился. – А может, и надо! Говорят, что работать у них легче, чем при царе. Никто никого не эксплуатирует. Никто над головой не стоит и не проверяет. Зарплата, карточки, талоны... Я тоже думал в клинику устроиться, в Александровскую. Пришел, а там двадцатилетний студент мне говорит, что медицина теперь бесплатная, а значит, и доктор должен без зарплаты лечить. Мол, доктора достаточно при царе заработали! Я что – гражданин враждебного класса, третьей категории, полфунта хлеба всего положено! А должны были вторую категорию дать, я ведь не купец! Ан нет, оказалось, что эксплуататор! Прислугу имею. А я ей ведь говорил: «Идите, Тонечка, вы свободны! Наступило ваше время!» А она мне: «Нет, Николай Николаевич, куда я пойду? Некуда мне! Я у вас останусь!» Эх, хотя бы порядок в городе навели! Бандитов бы и солдат убрали, и то уже легче жилось бы!

Доктор вздохнул. Упомянутая Тонечка тут же в дверях кабинета появилась, вернулась после того, как убранные с пола битое стекло вынесла.

– Я вам чаю заварю, – сказала твердо.

– Сделай, сделай! – согласился доктор. – Чай – это то лекарство, у которого побочных действий не бывает!

Глава 9

В ночь на субботу шепот красноармейцев Самсона не беспокоил. Услышал он только жалобу Федора на то, что он по маме скучает и что без его крестьянских рук маме с землей не справиться.

Ну а утром через грязное окошко в спальню солнце заглянуло, подчеркнув своими лучами и то, что оконные стекла грязные, и общий беспорядок, за который родители, будь они живы, отчитали бы Самсона по полной. Живо и радостно закаркали на дворе звонкие киевские вороны.

Выйдя в гостиную, из-за тишины подумал Самсон, что красноармейцы еще спят. Взял в чулане веник с совком, подмел спальню.

Тут из коридора вежливый в дверь стук раздался.

Проходя к выходу, заметил Самсон, что винтовок под стеной нет.

Открыл незапертую дверь.

– Вот, всем жильцам приказано «указівку» раздать, – сунула ему в руки вдова дворника желтоватую бумажку. – А еще сегодня субботник по обязательной уборке с улиц мусорных сугробов! В десять утра.

Новость о субботнике не могла омрачить хорошего, солнечного настроения. Но вот «указівка», напечатанная с экономией типографской краски, заставила задуматься.

«Граждане жители, с 22-го марта сего года по городу Киеву будет производится реквизиция излишней мебели для обустройства советских учреждений. Реквизиция будет проводиться красноармейцами и представителями губисполкома в присутствии уполномоченных домового комитета. Взамен мебели будет выдан документ, подтверждаемый список реквизированного с печатью и подписью.

Не подлежит реквизиции необходимая для проживания мебель из расчета: стул и кровать на каждого члена семьи или жильца, один шкаф, один обеденный и один письменный стол на семью. Кухонная мебель, не упомянутая выше, реквизиции не подлежит.

Председатель губисполкома, факсимильная подпись, печать».

Перечитав «указівку» дважды, Самсон решил провести письменный стол отца и осторожно вошел в кабинет. Красноармейцев уже не было, но матрацы с постелью скособоченно лежали на полу, да и вещи их тут же валялись. И запах их стоял нерушимо, как столб, – странная смесь из затхлости, табачного дыма и машинного или оружейного масла.

Первым делом Самсон проверил верхний ящик стола. Жестянка лежала на месте, как и другие бумаги и их семейный паспорт. В нижнем ящичке царил прежний порядок – немецкая карандашница слева, оплаченные старые счета рядом с ней, неоплаченные старые счета правее.

Вытащил Самсон неоплаченные счета, полистал. Все они касались 1917 года. Тут и от киевского водопровода, и от электростанции, и от магазина минеральных вод, давно закрывшегося, и за очки с костяной оправой, и от аптекаря за сдобрительную мазь для пяток...

Опустил он счета на место, вытащил из глубины стола пузырек с мазью «Лаинь». Отец его лечил экземы на ногах. Покрутил в руках, сунул обратно и ящик задвинул.

Наклонился над столом, открыл окно, желая выветрить немного красноармейский дух. В отцовский кабинет ворвался громкий и говорливый уличный шум, непривычный для субботы. По другой стороне Жилианской двое пожилых хорошо одетых мужчин старались откалывать от их мусорного сугроба края – один лопатой, а второй – коротковатым ломом.

«Субботник!» – вспомнил Самсон и прикрыл окно, но не полностью, чтобы кабинет и улица могли обменяться воздухом.

Одевшись в самую невзрачную одежду, он спустился вниз, где сосед Овецкий как раз получал от вдовы дворника большой тяжелый лом.

Самсону досталась угольная лопата, не очень удобная для разбивания сугробов. Но выбора не было. По всей Жилианской стоял весенний шум. Солнце на удивление стойко держалось на небе и подтачивало своими лучами мерзлые сугробы. По бульжнику мимо ехали то автомобили, то экипажи и телеги. Извозчики матерились, когда под копыта их лошадей летели куски грязного льда и черного снега. Мороз, ранее хранивший замерзшее зловоние беспорядочно перезимовавшего города, отступал, а значит воздух наполнялся мусорным смрадом. Но наполнялся им он медленно, и люди успевали привыкать к запахам скисшего кваса и прошлогодней плесени, а потом и к другим запахам, и ни один из присовокупившихся к воздуху запахов не заставлял горожанок затосковать о розах на даче и об опрокинутых пудреницах. Они тоже старательно дробили сугробы у своих домов и, кажется, даже радовались возможности выходного, субботнего физического труда, который уже объявлялся несколько раз «праздничным», хотя Самсону так и не удалось для себя определить, может ли физический труд быть праздничным и если может, то как его надо правильно праздновать?

В пятидесяти аршинах в направлении Кузнечной возле немалого сугроба трудилось несколько женщин, и вот они трудились действительно празднично, почти пританцовывая. Самсон поглядывал в их сторону всякий раз, когда доносились до него сквозь другой, более ближний шум, веселые, задорные голоса.

Иногда мимо проходили красноармейские патрули, которые останавливались ненадолго возле каждого разбираемого сугроба, осматривали участников субботника, между собой сквозь усы и черные зубы комментировали или подшучивали, о чем говорил иногда солнечный, а иногда и злорадный блеск в их глазах. При появлении патрулей субботник, конечно, ускорялся, и даже слабосильный сосед Овецкий, которому по телосложению полагалось бы держать в руке скорее веник, чем лом, приступал к разбиванию сугроба с новыми силами.

Очередной патруль высказал жестами и мотанием головы неуверенность в том, что для Самсона и его соседа этот день закончится победой.

С завистью посмотрел Самсон снова вдаль, в сторону Кузнечной, на веселый дамский субботник, возле которого уже и сугроба почти не было. И тут показалось ему, что среди звонкоголосых субботниц узнал он Надежду.

Опустил он лопату на булыжник и решил пройтись, проверить, не обманули ли его глаза.

И действительно, там оказалась Надежда, а само здание, возле которого девушки мусорный сугроб убрали, было не чем иным, как советским статистическим учреждением, где она работала.

– Ну как у вас? – поинтересовалась она приветливо, узнав подошедшего.

– Мучаемся, – признался Самсон. – Нас-то ведь только двое, даже дворничиха не вышла в помощь!

– А мы поможем! Мы такие! – озорно воскликнула Надежда и оглянулась на подруг. Те закивали.

Вернулся Самсон к своему дому в сопровождении раззадоренных субботним трудом красавиц. Замелькали в руках у них лопаты – новенькие, стальные. Сосед Овецкий даже отошел и решил отдышаться, а Самсон взял у него лом и стал вонзаться его тяжелым острием в сугроб. Работа зашпорилась. И в окне первого этажа появилось удивленное лицо вдовы дворника. И на лице ее появилась улыбка, добрая, приветливая.

– Что ж это вас так мало вышло? – спросила, не прекращая работы, Надежда.

– Так а нас тут мало! Гузевы с третьего этажа еще в начале февраля в Одессу укатили, а жена соседская ребенка нянчит, – ответил Самсон.

– Ну да, вы же жильцы, а у нас – учреждение, людей много! Ой, посмотрите! – внезапно отвлеклась она, глядя за спину какого-то парня.

К их сугробу бойким шагом подошли, громко и весело переговариваясь на своем языке, четверо китайских красноармейцев. Они жестами попросили девушек-субботниц отойти, скинули с плеч винтовки и стали наносить сугробу ощутимые штыковые удары. Искрошив верхнюю часть мерзлой горки, они приветливо помахали руками и ушли.

Работы теперь оставалось немного. Разобрав сугроб до основания и его осколками устелив всю мостовую, разошелся их субботник по домам. Только Надежда и Самсон оказались приглашенными к вдове дворника на чай. Она их прямо из окна позвала. А после чая предложил Самсон девушке в Купеческий сад прогуляться. Она охотно согласилась, тем более, что сад лежал прямо на ее ежедневной дороге из дому на работу и обратно.

Солнце уже спряталось за облака, но воздух еще отличался теплом. Два трамвая стояли на трамвайном кольце бывшей Царской площади. Возле них шумела толпа, желающая стать пассажирами. На лестнице, ведущей к панорамной площадке и к летнему театру, былолюдно. Самсон в гимназическом пальто – после чая он забежал домой, чтобы переодеться, – и Надежда в своем каракулевом полушубке оказались в этой гуляющей гурьбе словно среди родственных радующихся солнечной субботе душ.

– Удивительно, как тут не ощущается истории! – сказала вдруг девушка.

– Какой истории? – уточнил Самсон.

– Той, которая сейчас меняет мир! Не ощущается войны! А ведь наша армия сейчас готовится к решающему бою! Против всех врагов! Понимаете? – Она посмотрела пытливо на парня.

Самсон кивнул.

– Я про врагов понимаю, – сказал он. – Но вот красноармейцы, которые у меня на постое, по селу тоскуют, по земле! Нельзя так много людей от земли отрывать...

– Да, у крестьян сейчас мысли только о будущих посевах, – согласилась Надежда. – Но именно это и должно заставить их победить неприятеля! Чтобы быстрее домой вернуться! Рабочие ведь тоже хотят вернуться на заводы и в семьи! Это нетерпение победы должно нам помочь!

Самсон вздохнул. Они подходили к краю обзорной площадки. Ощущалось приближение сумерек, и гулявшие в парке поворачивали уже назад к лестничному спуску возле бывшего купеческого собрания. Когда они с Надеждой остановились на краю площадки, рядом уже никого не было.

– Вы свой дом отсюда видите? – поинтересовался Самсон.

– Нет, – мотнула головой Надежда. – А видите, как красиво дым из труб идет?

– Вижу! – ответил Самсон.

– Мне так нравится, когда зимой воздух пахнет печным дымом! – мечтательно произнесла Надежда. – Но для этого надо на дачи ехать, там этот воздух такой чистый! А еще недавно дым из труб столбиком поднимался, и будто небо эти столбики подпирали! А теперь его сразу ветром сносит!

– Ну так раньше уголь жгли, а угольный дым – он плотнее, устойчивее, – пояснил Самсон. – Теперь вот дровами топят, а кое-где даже книгами! А дровяной дым – он легкий, бесформенный. Его малейшее дуновение ветра сносит!

– Ой! Фонари зажглись! – обрадовалась Надежда и показала рукой вниз, на вспыхнувшие уличные огоньки Подола. – Интересно, как теперь электричество для фонарей получают?

– Тоже из дров, – усмехнулся Самсон. – Только дров не очень-то хватает! Товарищ с электростанции жаловался, что запасы кончаются! Ну вот как закончатся дровяные запасы, то и потухнут фонари!

– Ну вы и скажете! – махнула рукой Надежда. – Столько лесов вокруг Киева!

– Да, лесов много, а лесорубов нет, их в армию мобилизовали!

– Ничего, надо будет – объявят субботник, выдадут каждому по топору и на девятнадцатом трамвае в лес повезут! – уверенно сказала девушка.

– И вам выдадут?

– И мне выдадут? Чем я хуже! – Она обернулась к Самсону и одарила его самоуверенной улыбкой. – Ой, я ж забыла! – наклонилась она к своей сумочке, висевшей на согнутом локте. Открыла ее, вытащила с хрустом что-то, завернутое в газету. Развернула, и в руках у нее оказалось что-то странное, похожее на какую-то выпечку, скорее всего напоминающее хлеб в виде молотка. – Вы, Самсон, больше сладкое любите или соленое? – спросила она.

– Сладкое, – признался парень.

Надежда отломил «ударную» часть булки-молотка, а себе оставила «ручку».

– Нам «Красная пекарня» для субботника в подарок спекла! Тоже в свой субботник! В молоточной части – повидло сливовое, а в ручечной – тушеная капуста! – засмеялась она.

Надежда смачно откусила свой кусок булки, и глаза ее засветились радостью. Самсон осторожно свою часть булки тоже откусил, но за один кус до повидла не добрался.

Глава 10

ПОСТОЯЛЬЦЫ ВЫНЕСЛИ НА УЛИЦУ ОТЦОВСКИЙ ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ

И ОПУСТИЛИ ЕГО РЯДОМ С ПОДВОДОЙ

Вернувшись без приключений с Подола на Жилианскую, Самсон увидел перед парадным дома устланную сеном подводой. Извозчик как раз разворачивал брезент и раскладывал его поверх соломы. Двойные двери парадного медленно раскрылись, и из них спиной выдвинулся красноармеец, что-то несущий. Через мгновение Самсона взяла оторопь, потому что увидел он, что его постояльцы, Антон и Федор, вынесли на улицу отцовский письменный стол и опустили его рядом с подводой. Следом за ними вышел из парадного еще один военный, постарше, в кожаной куртке вместо шинели.

– Извините, – подскочил к ним Самсон, – что это вы себе позволяете? Это мой стол!

– Мы ж говорили, он мешает, – виноватым голосом попробовал объяснить Федор.

– Гражданин, ваш стол реквизирован! – обернулся к Самсону мужчина в куртке. – Дворник должен был вас предупредить. У нас не на чем дела вести! Грузите!

Красноармейцы поднатужились и перевернули стол на подводой, опустив его на брезент столешницей. Самсон отчетливо услышал, как зазвенело-затарахтело, как монеты в кубышке, всё, что лежало в выдвижных ящиках.

– Да там же мои вещи! Документы! – закричал он, чувствуя в этот момент такую же свою беспомощность, как тогда на дороге, когда убили отца.

– Ящики опечатаны, ничего не пропадет! – нервно сказал, обернувшись, человек в кожаной куртке.

– Да как же ничего не пропадет! Куда вы его забираете?

– В учреждение милиции, на Тарасовскую!

– В полицию? – удивился Самсон и вспомнил, как его самого с университетским товарищем доставляли туда два года назад жандармы за участие в манифестации возле памятника Александру Второму на Царской площади. Их попытались обвинить в краже с ограды памятника серебряных венков, однако венки нашлись быстро – оказалось, что их украли рабочие арсенальных мастерских. Так что даже переночевать им в отделении полиции не пришлось,

но саму жандармскую обстановку он хорошо запомнил: пухлые кожаные диваны невероятной тяжести и массивности, такие же рабочие столы, заваленные папками, лампы с мраморными ножками на столах.

– Так ведь там полно мебели! – Самсон вскинул на человека в куртке набравшийся внезапной решительности взгляд.

– Разграбили, а то, что не смогли через двери вынести, то топорами порубали! – ответил тот, потом, повернувшись к извозчику, крикнул: – Чего стоишь! Пошел!

Хлестанул извозчик лошадь и левый поводок натянул. Стала подвода разворачиваться, скрипя колесами и выбрасывая из-под них под ноги стоящим осколки мусорного сугроба.

Антон и Федор, потоптавшись на месте, вернулись в парадное. Самсон, проводив их взглядом, обернулся вослед подводе, увидел, как запрыгнул на нее человек в куртке. Может, с минуту чувствовал он себя опять насильно лишенным важной части своего тела, но потом толкнула его некая сила в спину и зашагал он поспешным шагом за подводой, зашагал, не глядя под ноги. А когда подводой быстрее лошадь потянула, то почти перешел Самсон на бег, чтобы не отстать и не потерять зрительный контакт с отцовским письменным столом. И показалось ему в этот момент, что бежит он за гробом своего отца, который подвода на Щекавицкое кладбище везет.

Вскоре подвода возле знакомого кирпичного здания остановилась. Человек в куртке зашел внутрь, а вышел уже не один, а с тремя солдатами. Сняли они стол и, как лежал он вверх ножками, так и занесли они его в помещение. Извозчик спрыгнул с козел, заглянул в открытые двери, крикнул что-то об оплате за транспорт. Вышел на его крик тот же человек в куртке, дал извозчику в руку бумажку размером с «керенку», но не деньги. Тот покрутил ее перед глазами, посмотрел вопросительно на представителя милицейского учреждения, глазами матом выругался и махнул рукой.

Проводив пустую подводу взглядом, осмелел Самсон настолько, что сам к порогу учреждения подошел и внутрь ступил.

– Куда? – строго спросил красноармеец, стоявший сразу за дверью, удерживая правой рукой за ствол винтовку, упертую прикладом в пол.

– Тут только что мой стол занесли, – попробовал объяснить Самсон. – А куда дальше, я не увидел.

– Стол туда занесли, – кивнул красноармеец на деревянную лестницу с красивыми красными перилами.

– Можно? – спросил Самсон.

– Ага, – ответил дежурный красноармеец, уважительно глянув на перебинтованную голову визитера.

Он взбежал по ступенькам и столкнулся наверху лицом к лицу с мужчиной в старом зеленом френче и в синих форменных штанах. И френч, и штаны были от разных униформ, поэтому сложить их воедино в мыслях Самсону не удалось, а под раздраженным уставшим взглядом этого человека и подавно времени на это не оставалось.

– Что вам тут? – спросил с хрипотцой мужчина.

Коротко, но сбивчиво объяснил ему Самсон цель визита, а также на ходу припомнил полученную «указівку» про реквизицию излишней мебели, где подробно описывалось, что один письменный стол на семью не является лишним, а также сообщалось, что в обмен на изъятую мебель выдавался документ. Документа ведь ему тоже никакого не дали, а стол реквизировали явно по жалобе двух постояльцев, которым этот предмет мебели спать мешал.

Выслушав визитера, поманил его мужчина в комнату и показал на знакомый стол, у которого действительно ящики опломбированы были мастичными печатями.

– Он? – уточнил мужчина.

– Он! – кивнул Самсон.

– Ну так садитесь и пишите реляцию в деталях обо всем происшествии! – сказал мужчина. И сам же принес два листа бумаги и толстый, незаточенный карандаш.

Слово, употребленное по отношению к требуемой бумаге, вызвало уважение и доверие. У Самсона промелькнула даже надежда на положительный исход этого дела.

Он подвинул к столу из угла пустоватой комнаты одинокий стул, присел, посмотрел критически на потолок, откуда едва светила тусклая лампа.

Мужчина молча принес из другого помещения настольную лампу, подключил.

Тут уж ничего не оставалось Самсону, кроме как реляцию писать.

– Вначале о себе напишите, фамилия, краткие биографические сведения и адрес! – подсказал мужчина.

Выложил в документе Самсон по полной. Не забыл и о смерти отца упомянуть, думая, что это также характеризует его самого с положительной стороны, потому что жертва редко бывает отрицательным жизненным персонажем.

Получил в руки мужчина через недолгое время два исписанных аккуратным почерком листа.

– Вы теперь домой возвращайтесь! – вздохнув, сказал он. – Я утром прочитаю.

– Почему не теперь?

– Глаза устали, надо им отдых дать. А вы утром приходите, к десяти! Я тут и живу, так что встречу! Скажете, что к Найдену!

– А его не увезут? – кивнул Самсон на стол.

– Обещаю! – твердо заверил его мужчина со странной фамилией.

Поправил Самсон бинт на голове, подтянул автоматическим движением рук и вышел к лестнице.

Незакрытые двери квартиры как бы сразу напомнили вернувшемуся хозяину, что не хозяин он тут уже. Две винтовки с насаженными на дуло штыками стояли под стенкой, как метлы в дворницкой. Рядом с ними – туго набитый мешок. Самсон включил свет, лампочка вспыхнула и тут же почти погасла, ее слабое свечение дрожало, как свечной огонек. Он заглянул внутрь мешка, вытянул из него кусок ткани, оказалась выкройка жилетки с жирными меловыми линиями будущего шва. Стало понятно, что красноармейцы зря времени не теряли и наведались к портному. Холодный сырой воздух пахнул в лицо из гостиной, заставив Самсона, не раздеваясь, отправиться за дровами в подвал.

Затопив печку, обогревавшую спальню, обернулся он и на печку, которая задней стенкой кабинет отца грела. В том кабинете сейчас спали на полу два красноармейца, освободившие свое спальное пространство самым подлым образом!

Злость заклокотала в мыслях Самсона, но он потушил ее и все равно их печь затопил, только дров в этот раз на них осознанно пожалел.

Не спалось ему ночью. Несколько раз казалось, что он тайный, заговорщицкий их шепот слышит. Подходил на цыпочках к кабинетной двери, левое, единственное свое ухо к ней прикладывал, но ничего кроме тишины и одиночного, случайного храпа услышать не мог.

А под утро представил себе, что при столкновении с ними лицом к лицу обязательно выскажет им в глаза неприятные свои мысли. А они, как простой люд, на это объяснениями ответить не смогут, а только насилием. Что ему тогда? Противопоставлять новые мысли новому насилию? Провоцировать их на еще большее насилие? Нет!

Решил Самсон с утра уйти из дому, чтобы к десяти, нагулявшись, прибыть на Тарасовскую к товарищу Найдену.

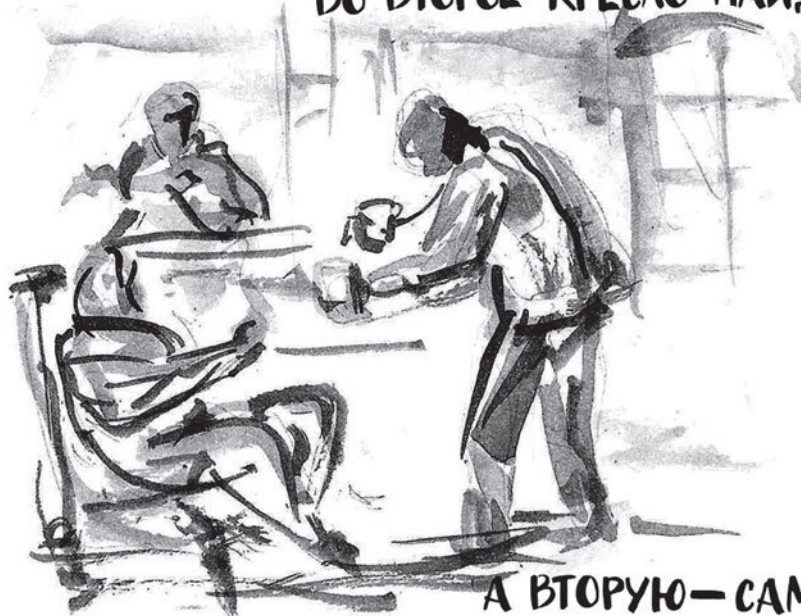
Спускаясь к выходу, он специально на первую скрипучую ступеньку наступил. Как знал, что на ее взвизг вдова дворника выглянет. И она выглянула, позвала к себе, чай сделала.

В общем, вместо гуляния просидел он больше часа в теплой, изобиловавшей запахами простой жизни кухне у вдовы. Рассказал о том, как с Надеждой в Купеческом саду гуляли, а про стол не рассказал и удивился даже, что не спросила она его про стол. Не могла же она не видеть, как красноармейцы его из парадного выносили? Но не коснулась их чайная беседа злосчастливого стола. А тем временем улица за окном проснулась, зашумела.

– Ты если что спрятать хочешь, можешь мне на хранение дать, – сказала напоследок вдова. – Завтра снова будут по домам ходить! Постельную повинность на жильцов накладывать! Так ты смотри, побереги то, что сохранить хочешь!

Глава 11

**ОН ПРОТЯНУЛ ОДНУ КРУЖКУ ОПУСТИВШЕМУСЯ
ВО ВТОРОЕ КРЕСЛО НАЙДЕНУ,**

А ВТОРУЮ – САМСОНУ

– Василь, чаю сделай! – крикнул товарищ Найден кому-то, увидев поднимающегося по лестнице с красными перилами вчерашнего озабоченного письменным столом визитера.

Завел Самсона Найден в тот же кабинет, и поразился парень сразу происшедшим за ночь изменениям – теперь кроме его стола и стула под другой стенкой стоял книжный шкаф без книг, а по бокам – два важных купеческих кресла. Перед правым из них – шахматный столик.

– Садитесь! – указал Найден именно на это кресло, возле которого столик стоял. – Сейчас чаю попьем!

Самсон осторожно опустился, и приняло его кресло как некую значительную особу. Усадило оно его в себя мягко и уважительно. Так, что даже сам он себя на мгновение важным почувствовал.

– Прочитал я вашу реляцию, – выдохнул задумчиво Найден. – Хорошо пишете!

В кабинетное помещение зашел с двумя кружками чаю стариковатый, сутулый мужчина с проседью в волосах. Протянул одну кружку опустившемуся во второе кресло Найдену, а вторую – Самсону.

– Хорошо пишете, – повторил Найден, когда Василь вышел. – Давно так легко не читал! И мысли умеете излагать точно и детально!

– Спасибо, – ответил Самсон на похвальбу, ожидая от говорившего скорейшего перехода к сути вопроса.

Суть вопроса тоже прозвучала, но визитера не порадовала.

– Вынужден наложить на вашу реляцию отказ, – после паузы проговорил Найден грустно. – Ответственного сотрудника, который реквизирует стол, накажем за два проступка по должности: за реквизицию не подлежащего реквизиции и за невыдачу документа о реквизируемом столе. Но стол, – Найден бросил на упомянутый предмет разговора задумчивый взгляд, – стол нам очень нужен. Дел все больше, а работать не на чем, да и почти некому...

Он повернулся теперь лицом к Самсону и посмотрел на него выжидательно.

Самсон сник. Понял он, что зря вечером накануне так старался выводить карандашом по бумаге убедительные мысли.

– Я вижу, он вам дорог, – участливо добавил Найден.

– Это стол отца, в ящике его... наш семейный паспорт...

– Ну, эти документы скоро не будут иметь смысла, выдадим новые, – Найден отпил горячего чаю и, видимо, обжег губу о край кружки, скривился.

– А вы к деникинцам как относились? – спросил, отвлекшись от ожога.

– Никак, плохо.

– А к гетьману?

– Как все, – осторожно ответил Самсон. – Так же, как и к его немцам!

– Ага, – закивал Найден. – А директории сочувствовали?

– Почему? – удивился парень вопросу.

– А нашей, рабочей власти?

Самсон посмотрел вдруг на собеседника с реальной жалостью во взгляде.

– Вам сочувствую, – сказал он, имея в виду именно этого уставшего, давно не высыпавшегося собеседника с почти утраченными из-за образа жизни чертами лица.

Найден помолчал, потом подошел к столу, взял написанную накануне реляцию, снова опустился в кресло.

– Я могу вам помочь, только если вы захотите помочь нам, – сказал он.

– Это как же?

– Мы должны остановить уличный бандитизм и беспорядок. Нам нужны решительные, – при этом Найден бросил взгляд на истрепанную бинтовую повязку Самсона, – решительные и грамотные люди... Если вы согласитесь, этот стол будет вашим рабочим столом! И весь кабинет будет вашим! Мы тут еще кушетку поставим, чтобы можно было отдохнуть, не покидая помещения!

– Это как? Кем я тут буду? – Самсон огляделся по сторонам, примеряясь к кабинету.

– Ну по должности – это мы решим, а по службе будете бороться с грабежами, будете на страже порядка! Всем, чем сможем, мы вас обеспечим. Талоны в советскую столовую я вам смогу хоть завтра выдать, если согласитесь!

Самсон чуть помедлил с ответом. В его памяти снова сверкнула сабля, которой убили отца, и вторая сабля, отсекающая его ухо, ухо, лежащее теперь тут, в этом кабинете, в верхнем левом ящике отцовского стола. Выходило так, что сам стол переехал из квартиры в милицеевское учреждение, чтобы отомстить за смерть хозяина, чтобы принять участие в борьбе за порядок, которого теперь не было нигде, даже в самой его, Самсона, квартире, где лежали украденные и награбленные Антоном и Федором вещи.

– А оружие дадите? – Он посмотрел на собеседника пристально, почти требовательно.

– Конечно!

– Я согласен, – сказал Самсон, и тут же его губы пересохли. Захотелось чаю, уже чуть подостывшего, а значит, не такого обжигающего.

– Правильно, – кивнул Найден. – Сейчас я принесу бумагу, и мы все оформим по правилам.

– И можно будет из ящиков вещи забрать?

– Это же ваш стол, можете забрать, можете хранить. Только опечатывание должен товарищ Пасечный снять. Он опечатывал, он и распечатать должен.

Глава 12

В ПОЧКООБРАЗНОМ ЭМАЛИРОВАННОМ ЛОТКЕ УЖЕ ЛЕЖАЛ ОКРОВАВЛЕННЫЙ НОЖ

И ДВА ДРУГИХ ХИРУРГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТА

– Наденька про вас рассказывала, – улыбнулся при рукопожатии Трофим Сигизмундович, невысокий, чуть сутулый мужчина лет пятидесяти, с животиком, арестованным жилеткой, надетой поверх белой рубашки, и с накинутым на плечи пледом. – У нас с дочечкой очень доверительные отношения! Проходите! Милочка, поставь чаю! – Это он уже крикнул жене, которая тут же выбежала из комнаты, чтобы выполнить поручение.

Отец Надежды усадил Самсона на мягкий стул, сам присел на кушетку рядом.

– Она вот-вот появится, наша Наденька. К тетушке побежала, тетушка тут рядом живет!

Чувствуя при отсутствии Надежды осторожную дистанцию с ее впервые встреченными родителями, Самсон медлил с разговором. Однако понимал, что молчать невежливо.

– Холодно у вас, – он осмотрелся по сторонам в поисках печки. Увидел ее в противоположном углу, выстроенную столбиком и покрытую изумрудного цвета кафелинами.

– Неужели у вас теплее? – удивился Трофим Сигизмундович и забросил на ноги боковые края накинутого пледа. – Мы-то почти привыкли! Но весны ждем с нетерпением!

– Не теплее, – Самсон поежился, потер ладони одну о другую, словно желая их нагреть, глянул на дверь, в которую вышла посланная поставить чай хозяйка, – но весна вот-вот будет! Недаром в городе уже и мусор убирают.

Отец Надежды закивал.

– У вас дача есть? – спросил.

– Дача? – удивился вопросу Самсон. – Была, под Васильковым... Даже не знаю, что там теперь!

– Давно не ездили?

У Самсона сжалось сердце. С ужасом он подумал, что о летнем семейном гнезде, каковым являлась на протяжении сладких годов его детства их дача, он уже года два не вспоминал! Да и от отца о ней не слышал после того, как вдвоем они остались. Припомнилась тут долгая дорога туда конным экипажем, папины списки необходимых на летнее переселение вещей,

галочки напротив каждого упакованного предмета. Господи, неужели вроде бы такое недалекое прошлое может казаться таким далеким, словно вычитанным из книг, а не своим собственным?

– Давно, – Самсон кивнул.

– Что-то вы погрустнели, молодой человек, – Трофим Сигизмундович участливо заглянул в лицо гостя. – Или разграбили ее, вашу дачу?

– Даже не знаю, что там, – признался Самсон и услышал в собственном голосе словно слезы о прошлом.

– Ничего, как все успокоится, поедете, посмотрите! Океан вот может месяцами штормить, а потом все равно наступает штиль, мертвую рыбу на берег выбрасывает, природа очищается и отдыхает.

Самсон ухмыльнулся. Мама Надежды внесла чайник, стала накрывать на стол. В коридоре застучали о деревянный пол каблучки, и в комнату заглянула Надежда в каракулевом полушубке и с теплым платком на голове.

– Гости? – изумилась она, блеснув глазками на Самсона. – Если б я знала, я бы раньше прибежала!

– Да я без предупреждения, – стал оправдываться Самсон. – Хотел новостью поделиться!

– Какой новостью? – Она сняла платок, повесила его аккуратно на спинку стула, расстегнула полушубок, присела.

– На службу определился, – сообщил парень.

– Не может быть! – всплеснула ручками девушка. – И куда?

– В милицию, Лыбедской участок.

– О! Так это у вас там рядом, на Тарасовской! И ходить на службу далеко не надо! – она улыбнулась.

– На Тарасовской? – повторил отец Надежды. Обернулся к жене, уже наполнявшей чашки чаем. – А помнишь, мы туда к Савельевым в гости ходили?

– Не к Савельевым, а к Трушкиным, – поправила жена. – Савельевы на Назарьевской жили, а Трушкины возле Мариинского приюта, на Паньковской.

– Ах да! – закивал глава семейства. – Все-то я перепутываю!

С пледом на спине перекочевал Трофим Сигизмундович за стол. Все расселись дружным кругом.

Самсон, видя, что к чаю ничего не предложено, ощутил легкий голод. Но тут зашумело что-то в его голове. Словно птица, хлопая крыльями, попыталась через оголенную ушную раковину и через повязку внутрь, в голову влететь. Закрыв он правый висок ладонью, вызвав на себя вопросительные взгляды и отца, и матери Надежды.

– Рана не зажила еще? – участливо спросил Трофим Сигизмундович.

– Иногда побаливает, – ответил Самсон, опуская руку и чувствуя неловкость.

А тут опять шум услышал и как бы оглянулся, в поисках того, кто этот шум производил. И опять поймал на себе смущенный от любопытства взгляд хозяйки.

И на фоне этого непонятого шума прозвучали громко, словно не рядом, а прямо внутри его головы два выстрела, отчего он вскочил и почему-то к окну бросился. Выглянул на улицу с высоты второго этажа, не видя на ней никакого движения и вообще никого.

– Вы слышали? – спросил Самсон, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Что слышали? – уточнил отец.

– Выстрелы!

– Не было, – ответила Надежда обеспокоенно. – Я не слышала.

В голове Самсона продолжали нагромождаться шумы, тяжело сдвинулась рядом мебель с протяжным скрипом по деревянному полу. Он уже начал догадываться, откуда все это слышит. И от этого стало ему страшно, страшно и неудобно перед семьей Надежды.

– Извините, мне надо бежать! – Он повернулся к окну спиной, посмотрел на двери в коридор и прошел туда быстрым шагом. Спрыгнул по деревянной лестнице к выходу из дома. И по улице действительно побежал, чувствуя в ногах и силу, и усталость и пытаясь не наступать на разбросанные по бульвару мерзлые осколки мусорных сугробов, с которыми, похоже, субботник накануне боролся по всему городу. После нескольких минут бега он сбавил против своей воли шаг, почувствовал, что наваливается на его плечи тяжесть, которую ему не снести. И тут увидел впереди у обочины пролетку с извозчиком. Запрыгнул.

– Гони к милиции на Тарасовскую! – крикнул неподвижному увальню, сидящему на передней лавке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.